

Михаил Ахманов Крысолов

Глава 1

Протяжная трель звонка раздалась в тот самый момент, когда я предавался любимому развлечению — читал словарь иностранных слов. Вы удивились? Право, не стоит. Что еще делать интеллигентному непьющему холостяку в теплый августовский вечерок? Альтернатив, собственно, две: женщина и телевизор. Не отвергая их с порога, я все-таки предпочитаю словарь. Очень, знаете ли, обогащает.

Итак, я добрался до редкостного слова «оогоний» и выяснил, что так называются органы размножения у некоторых водорослей и грибов. Дальше следовали «оолиты», но разобраться с этим термином мне было не суждено. По крайней мере, в тот день и тот в момент.

Дверного глазка у меня нет, зато украшает стену редкостный топор финского производства, одна тысяча девятьсот пятого года, с длинным топорщиком и тяжеленным лезвием. Такими топорами наши северные соседи валили сосны в старину, но потом им это надоело и они перешли на бензопилы. А зря: физический труд полезен,

особенно в зимнюю пору. С одной стороны, согревает, с другой — облагораживает, а с третьей — предохраняет генофонд от диабета, СПИДа и алкогольной деградации.

Я приласкал топорище, снял топор с крюка и приоткрыл дверь. Лестничные площадки в нашей кооперативной казарме длинные, узкие и освещаются лишь по большим праздникам, а тут, в дальнем углу коридора, и вовсе темно. Но из прихожей падал свет — прямо на физиономию незнакомца, ничем не примечательную, но снабженную острым, длинным и хрящеватым носом. Нос и оттопыренные, чуть заостренные уши придавали ему сходство с доберман-пинчером, но не простым, а матерым, знающим себе цену, удостоенным многих медалей и наград. По виду ему было порядком за сорок.

За спиной остроносого стояли трое. В коридорной полутьме я не мог разглядеть их во всех деталях, но было ясно, что это бульдоги, крепкие молодцы, парни тертые, битые и бывалые. У всех пиджак под левой мышкой оттопырен, челюсть — квадратом, шея бычья, а на лицо так и просится омовская маска с прорезями для глаз.

Я поддался естественному порыву: правой рукой сгреб топор, а левой попытался затворить дверь. Но было поздно: меж дверью и косяком уже торчал лакированный штиблет остроносого.

Проделал он это с удивительной быстротой и профессиональным изяществом.

— Майор Скуратов, УБОП, управление борьбы с организованной преступностью, — представился мой гость, протягивая документы, но не делая попыток перебраться через порог. Удостоверение на первый взгляд казалось самым настоящим, и звали майора не Малютой, а вполне пристойным именем — Иван Иванович.

— Мы, собственно, к вашей соседке, — майор покосился на дверь, располагавшуюся рядом, в торце коридора. — Она отсутствует?

— Раз не открывает, значит, отсутствует, — буркнул я.

Соседка у меня появилась месяцев шесть назад, когда Сергей продал свою квартиру. Очень тихий серый мышонок в очках; уходила рано, приходила поздно, скользила по стеночке, как тень, а при редких наших встречах смущенно опускала глазки и бормотала: «Здрассьте, Дима». Я знал лишь то, что зовут ее Дарьей и что у нее есть горластый попугай — судя по иногда проникавшим сквозь бетонные стены воплям.

— Вы позволите войти? — с отменной вежливостью спросил остроносый. — Хотелось бы побеседовать с вами... возможно, вы знаете даже больше, чем гражданка Малышева... Мои сотрудники подождут. Внизу.

Он повелительно кивнул, и трое предполагаемых омовцев затопали к лестнице. Пол содрогался под их шагами.

Распахнув дверь, я сделал приглашающий жест. Должен заметить, что человек, изучающий словари, обладает определенным недостатком: он любопытен. Наверняка любопытен, и я не исключение из правил. К тому же любопытство — необходимый атрибут моей профессии: нелюбопытные люди редко становятся математиками и уж никак не склонны к благородному ремеслу крысолова.

Скуратов шагнул в прихожую, покосился на топор и охватил единым взором мои апартаменты: две тесноватые комнатки, кухню, ванную, санузел, встроенный шкаф и антресоль.

— Один живете?

— Холостяк, — уточнил я, вешая топор на место.

— Значит, можно курить, — пронизательно заметил остроносый, принимаясь к атмосфере.

Мы прошли на кухню, сели за стол и закурили. Каждый — свои.

При остроносом обнаружился чемоданчик. Он извлек оттуда папку, раскрыл ее, выложил чистый лист бумаги, а остальные, напомиравшие компьютерные распечатки, быстро пролистал в поисках нужного. Нашел и уставился на меня

пронзительным взглядом.

— Дмитрий Григорьевич Хорошев, возраст — тридцать шесть лет, кандидат наук, сотрудник Института проблем математики?

— В бессрочном неоплачиваемом отпуске, — уточнил я и добавил: — Вообще-то, Иван Иванович, вам полагалось спросить, кто я такой, а не выдавать чохом всю эту секретную информацию.

Он усмехнулся, став похожим на доберман-пинчера, оскалившего клыки.

— Детективов начитались, Дмитрий Григорьевич? Я не сторонник формальностей. Впрочем, если хотите, можете показать паспорт.

Я показал — и паспорт, и служебное удостоверение, и пропуск с разноцветными печатями. Этот пропуск являлся свидетельством моей благонадежности: напомню, что Промат — строго режимная контора, а я работаю в вычислительном секторе, в главном хранилище военных тайн и стратегических секретов. Вернее, работал — до той поры, пока не случилось хроническое безденежье, а за ним — повальное сокращение. Меня, однако, не сократили, а отправили передохнуть от научных трудов, что было бесспорным признанием моих заслуг перед державой.

Остроносый Иван Иванович вытащил ручку, черкнул на листке: «13 августа 1997 г. Протокол

допроса» — и задумчиво уставился на меня.

— В соседней с вами квартире за номером сто двадцать два проживает гражданка Малышева Дарья Павловна?

— С попугаем, — добавил я.

Скуратов кивнул, но попугая в протоколе не зафиксировал.

— А до нее там проживала семья Арнатовых? Арнатов Сергей Петрович, его супруга Жанна Саидовна и Маша, их малолетняя дочь?

Я кивнул, припомнив давешний звонок Сергея — недели две, а может, три тому назад — и его обычную просьбу. Самую обычную, с которой он обращался ко мне не первый год, не в первый и, надеюсь, не в последний раз... Странно! С чего бы мои прежние соседи интересуют борцов с организованной преступностью? Если только родичи Жанны до них не добрались, что было б для Сергея весьма печальным обстоятельством... Я уже собирался спросить, здоровы ли они с Машуткой, да вовремя вспомнил, что мне полагается не задавать вопросы, а отвечать на них. Со всей подобающей осторожностью и деликатностью.

Сергей был, в сущности, парнем неплохим, однако не без изъянов, так что наши добрососедские отношения не обернулись дружбой. Не жадный, но из тех, у коих рубль между пальцев не проскочит; с немалым и заметным самомнением,

не переросшим, впрочем, в гонор; жизнелюб, любитель закусить и выпить, при случае — пофлиртовать, но в меру: все-таки он оставался семьянином, и к Жанне — а особенно к дочке — относился с трепетной нежностью. В общем, намешано в нем было всякого, хорошего и дурного, а я предпочитаю людей цельных. И в результате мы с ним не то чтоб дружили, но по-соседски приятельствовали; он был моим ровесником, трудился в Психоневрологическом институте, в знаменитой Бехтеревке, но о трудах своих предпочитал молчать. Если что и рассказывал, так анекдоты и байки о своем чудаковатом шефе профессоре Косталевском. Впрочем, шефом его Сергей не называл — ни шефом, ни боссом, ни профессором и уж тем более начальником, а исключительно патроном. Не знаю, что их связывало кроме работы, но упоминалось о Косталевском именно так: патрон, и точка.

Скуратов почесал переносицу:

— Какие отношения были у вас с Арнатовым?

— Дружелюбно-соседские, но без детального проникновения в личную жизнь, — отвечивал я. — Стаканчик белого по праздникам и мелкие взаимные одолжения.

— Но год назад кое-что переменялось?

«Переменялось, само собой, — подумал я. — Дела у Бехтеревки шли не лучше, чем у Промата, и

в тот же исторический момент, когда я стал охотиться на крыс, Сергей занялся магией и колдовством». Семья, понимаете! Любимая женщина, пятилетняя дочка плюс легкий флирт на стороне... Кормить-то надо всех... И в результате каждый день я слушал по «кухонному радио»:

— Известный психолог, доктор эзотерических наук Серж Орнати, используя магию и профессиональное мастерство, устраняет ощущение жизненного дискомфорта, стабилизирует ауру, избавляет от сглаза, гармонизирует семейные отношения, помогает освободиться от алкогольной зависимости без ведома больного. Прием в офисе на Садовой, пятьдесят, ежедневно с десяти до шести. Запись по телефону... — Далее следовал телефон.

При всей сходности наших с Сержем метаморфоз имелись и отличия. Мой крысоловный промысел оплачивался неплохо, в разумных, но дефинитных пределах, а Серж, похоже, забогател. Не знаю, какие клиенты гармонизировались у него с десяти до шести, а вот по вечерам — домой, не в офис — подкатывала очень солидная публика. Помню я один «Мерседес»... вишневый, с позолоченным бампером...

Скуратов раздавил окурок в пепельнице.

— Так что же, Дмитрий Григорьич? Переменилось или нет?

— Переменилось, — согласился я. — Сосед мой, Арнатов Сергей Петрович, занялся частной эзотерической практикой. Духи были к нему благосклонны, не обходили вниманием, и в результате он приобрел другую квартиру, пороскошней и попросторней. А эту, за номером сто двадцать два, продал гражданке Малышевой Дарье Павловне и ее попугаю.

— Что вам до этого попугая? — пожал плечами остроносый; вероятно, сон его не тревожили птичьи вопли. — Скажите-ка лучше, когда у вас был последний контакт с Арнатовым? Не звонил ли он вам? Не присылал ли записок? Может, в гости заглядывал по старой дружбе? На стаканчик белого?

Стаканчик был упомянут с явным сарказмом, и мне пришлось разъяснить, что речь идет не о том белом, что превратилось в национальный спорт, а о сухом вине восьмиградусной крепости. Иван Иваныч презрительно хмыкнул — мол, не вешай лапшу, интеллигент! — и повторил вопрос насчет контакта. Я ответил, что с магом Орнати не контактирую месяцев шесть — с тех пор, как он перебрался из нашего кооперативного стойбища в более шикарную конюшню.

Это так же соответствовало истине, как белые ночи в январе, но я не собирался обсуждать с майором УБОП интимные тайны соседей. Жанна —

вернее, Джаннат — была чеченкой из Грозного, сбежавшей в наши палестины, в Педиатрический институт, и ее брак с Арнатовым, неверным гяуром и безбожником, противоречил законам шариата. Отец, Саид-ата, а также дяди и братья, коих у Жанны насчитывался целый батальон, такого позора не снесли бы: Сержу вспороли бы живот, Машутку предположительно удавили, а Джаннат до конца своих дней лила бы слезы и крутила овечьи хвосты в ауле Верхний Басарлык. Поэтому родичам Жанны не был известен ни факт ее супружества, ни счастливое разрешение от бремени, ни вполне реальное — и столь же счастливое — материнство. Единожды в год ее навещал отец, летом или ранней осенью, и на период визита все детское и мужское барахло перетаскивалось ко мне либо к другим знакомым, а Серж с Машуткой исчезали — или на юг, или в Лодейное Поле, к православным бабушке с дедушкой, или под Приозерск, на личную мою фазенду, в бревенчатый домик, оставшийся мне от мамы. Так случилось и в этот раз: Серж позвонил и намекнул, что грозный Саид-ата ожидается с ревизией, а я ответил — знаешь, мол, где ключ запрятан. Еще подумал, как будет Жанна объясняться с родичем: их новое жилье тянуло на такую сумму, какую врач-педиатр не мог заработать при всех стараниях за сотню лет.

Но это было их проблемой, не моей, и уж

совсем не касалось остроносого майора Скуратова. Я не желал посвящать его в эти пикантные подробности.

Лист перед ним был исписан всего лишь на четверть, но он не спешил, оглядывал кухню и мой кабинет по ту сторону коридора, где находились стол с компьютером, книжные полки до потолка, диван и рабочее кресло. На компьютере скалил зубы чугунный дьявол — старинная статуэтка каслинского литья, символ моей профессии. Сам Сатана, Ловец Душ, Великий Аналитик и Великий Крысолов... Мне показалось, что он взирает на Скуратова с неодобрением.

Но тот не смотрел на Сатану, а изучал обстановку. Глядел внимательно, то ли присматриваясь к мебели, чтоб оценить мои доходы, то ли прикидывая, много ль ожидается хлопот, если затеять глобальный обыск. Причин к нему не было, но все же я слегка вспотел, представив, как обыскивают мой крысоловный компьютер.

Наконец остроносый, закурив сигарету, побарабанил пальцами по столу:

— Добавьте что-нибудь еще, Дмитрий Григорьевич?

— Возможно, Иван Иванович. Если буду посвящен в суть проблемы. Трудно, знаете ли, ориентироваться впотьмах... не различишь мелкого

от крупного.

Мой гость выпустил пару колечек, изображая глубокую задумчивость. Соврет, понял я.

— Арнатов, ваш друг и сосед...

— Приятель и бывший сосед.

— Пусть так. Словом, он исчез, а перед тем... — остроносый впился в меня глазами, — перед тем ему удалось получить крупную сумму в валюте по поддельному авизо. Вы знаете, что такое авизо, Дмитрий Григорьич?

Я неопределенно пожал плечами. Я мог бы сказать ему, что словари — мое любимое чтение: они надежны, основательны и лишены авторского субъективизма и к тому же расширяют кругозор. Тот, кто читает словари, никогда не спутает авизо с авеню, простатит с протектором, а протектор — с проституцией. Но я промолчал. Чем меньше хвастаешь своей осведомленностью, тем больше узнаешь о людях — а про майора Скуратова мне хотелось узнать побольше. Скажем, почему он майор? На вид — сорок пять... возраст скорее полковничий...

— Так вот, авизо... бог с ним, с авизо... Деньги перевели из Сингапура — миллион двести тысяч в американских долларах. На поставку оптических линз...

— Что же, кроме магии, он еще и линзами занимался? — перебил я.

— А вы как считали? Не благосклонность же духов квартирку ему принесла и не эзотерические пассажи. Наивно все это, Дмитрий Григорьич, наивно. Магия там, колдовство и прочая экстрасенсорика для отвода глаз... Фантом, так сказать, иллюзион... А за ним — реальные вещи. Лес, металл, дорогостоящая оптика... ну, еще кое-что. Семейство свое он обеспечил — квартира записана на жену, а сам урвал кусок пожирнее и — в бега.

— В каком же направлении?

— В каком... Хотел бы я знать, в каком! По сведениям Интерпола, Крит, Кипр, возможно, Мальорка... — Тон его вдруг изменился, стал жестким, лицо посуровело. — Так что же вы можете нам рассказать, Дмитрий Григорьевич? Меня интересует абсолютно все, любая мелочь, всякая деталь. В том числе и обстоятельства, при которых была продана соседняя с вами квартира. Например, что связывает Арнатова и Малышеву? Возможно, постель или финансовый интерес? Не получала ли она писем на его имя? Бывали ли телефонные звонки? Не появлялся ли...

Он говорил, а у меня перед мысленным взором маячила забавная картинка: сидит Сергей на потертом крылечке моей фазенды, курит сигарету «Бонд» и пересчитывает миллион двести тысяч долларов в крупных и мелких купюрах. Фантастика

пополам с мистикой! Мог ли он вправду чего-то там подделать? Теоретически сей расклад не исключался: деньгами он отнюдь не брезговал. Но вот практически... Чтоб получить крупную сумму по поддельному авизо, надо иметь сопутствующие фальшивые бумаги либо крутых сообщников — дело-то тонкое, рискованное и непростое. Значит, либо чеченские родичи помогли, либо Сергей атаковал банкиров на ментальном уровне, загипнотизировав весь персонал от уборщиц до управляющего, либо остроносый Иван Иванович нагло врет. Я остановился на последней версии — для родичей с гор Сергей был персоной нон грата, а в его гипнотические таланты мне не верилось.

Пожалуй, стоит его навестить, мелькнула мысль. Съездить на дачу и разобраться в этой истории. Прямо завтра! Поскольку иного времени не будет: дней через пять я собирался отправиться на отдых, и не куда-нибудь, а в солнечную Андалусию. Пальмы, море, фламенко под перезвон гитарных струн... Малага, Кордоба, Уэльва, Кадис... От Севильи до Гранады раздаются серенады, раздается звон мечей... В общем, хотелось мне в тишине и покое дочитать словарь, забраться в самолет и вкусить все прелести отдыха в славном испанском королевстве.

Но остроносый взирал на меня с требовательным вниманием, будто сделав стойку:

глаза прищурены, ноздри раздуты, и кадык на жилистой шее дергается вверх и вниз. Что-то надо было сказать, и я поведал ему о вишневом «Мерседесе» с позолоченным бампером, попутно сообщив, что аморальных связей между моими соседями, прошлыми и настоящими, не замечал.

— Хорошо! «Мерседес» — это уже зацепка... неплохая зацепка... — Его пальцы коснулись бумажного листка, подвинули ко мне. — Прочитайте и распишитесь... вот здесь... Для Малышевой я оставляю повестку. Не откажите в любезности передать... Пусть заглянет на Литейный, четыре... — Он выписал повестку, обвел аккуратным овалом телефонный номер и поднялся: — Спасибо, Дмитрий Григорьевич! Если что вспомните — звоните. Надеюсь, еще увидимся.

Я его надежд не разделял. Наоборот, мне казалось, что я никогда не встречусь больше ни с самим Иван Иванычем, ни с его крепкими молодцами, дежурившими внизу.

Как я ошибался!

Глава 2

Проводив остроносого, я сунул повестку Дарье под дверь и приложился к ней ухом. В квартире царил тишина, если не считать эпизодических попугайных выкриков — он

бормотал что-то неразборчивое — каррамба или курва, а может, коррида или кранты. Неодобрительно покачав головой, я вернулся к себе на кухню, сварил кофе и, прихлебывая из кружки, раскрыл словарь на букве О. Итак, оолиты...

Внезапно раздавшаяся трель звонка заставила меня подпрыгнуть. Вечер визитов, черт побери! Ну что тут поделаешь! С горечью в сердце захлопнув словарь, я снова направился к дверям, почти не сомневаясь, что звонит соседка. Серый, так сказать, мышонок с повесткой в зубах. Прочитала, расстроилась, взволновалась... Еще бы! Такое потрясение! Не каждый день нас приглашают на Литейный, четыре... В УБОП! Допрос, расстрел и сразу в гроб!

Однако звонила вовсе не Дарья. На моем пороге обнаружился молодой человек в темном сюртуке, тощий, бледный и белокурый, с лицом изголодавшегося херувима, который бродит меж адских сковородок, где, брызгая жиром и аппетитно шипя, поджариваются грешники-бифштексы. В руках у юноши наблюдалась книга, синяя и небольшая, с золотым тиснением по переплету; он бережно прижимал томик к груди и улыбался мне ангельской улыбкой.

— Брат во Христ! — молвил незнакомец по-русски, но с сильным заокеанским акцентом. — Май принэсть ви блэск истина!

— Объективной, субъективной или трансцендентной? — спросил я, чтобы не оставалось сомнений в моей компетентности в данном вопросе.

— Истина — один! — торжественно возгласил молодой человек. — Господь доверит истина Иосиф Смит, энд эсли ви позволит май кам ин, май рассказа...

— Мормон? — Пришлось прервать его на полуслове, так как от русского пополам с английским в ушах началось какое-то невнятное жужжание.

— О, йес, мормон! Зе бук оф мормон! — Его пальцы бережно погладили книгу. — Это есть новие свидэтелства про Исус Христ!

— Заходи! — произнес я со вздохом и закрыл дверь в кабинет, чтоб гость не смутился при виде чугунного Сатаны. Затем перешел на язык Шекспира: — Кто ты такой, великомученик?

Услышав родную речь, парень порозовел, оживился и проследовал за мной на кухню. Имя свое он произнес невнятно — что-то вроде Джек-Джон-Джим; во всяком случае, там доминировало «дж» с каким-то неопределенным окончанием. За кружкой кофе выяснилось, что гость мой — студент теологического колледжа в Прово, штат Юта: их, истинных христиан, рассылают повсюду, от Соломоновых островов до

карельских роц, для миссионерской практики и с целью обращения прозелитов. Два прозелита — зачет, три — экзамен, четыре — благодарность от ректора в приказе, а ежели один, зато погрязший перед тем в грехах закоренелый нечестивец, то полагается диплом с отличием. Моему мормонышу пока что ничего подобного не светило, но надежды он не терял и действовал с похвальным усердием.

Я глядел, как он глотает кофе, не выпуская «Книгу Мормона» из рук, слушал, как он разглагольствует о евангельских истинах, и думал: истина, где ты, ау! Истина в данном случае была трансцендентной — иными словами, завуалированной и скрытой, и заключалась она в том, что мой мормоныш был фальшив, как авизо — то самое авизо, о котором давеча толковал остроносый.

Обидно, что за морями — океанами нас числят по разряду дикарей. Будто не знаем мы, что мормонам — в отличие от свидетелей Иеговы — запрещено вербовать в свою конфессию, таскаясь по домам и приставая к прохожим. Мормон — настоящий мормон — стоит навтытяжку с книгой в руках и ждет, когда к нему обратятся заинтересованные лица. Вот когда обратятся, тогда он и расскажет о «новых свидетелствах про Исус Христ»! А до того — молчание, скромность и никакой агитации. К тому же мормоны не пьют

горячего, а если и пьют, то не чай и кофе, напитки дьявольские и греховные. Такой вот у них порядок, и всякому читателю энциклопедий и словарей о том доподлинно известно.

Вывод напрашивался сам собой, и я раздумывал, не принести ли топор и не прижать ли гостя в щели меж холодильником и кухонным пеналом. Я не сторонник насилия, но этот Джек-Джон-Джим мог оказаться в лучшем случае коммивояжером-хитрецом, а в худшем — наводчиком или воришкой. Язык? И что с того? Жулики нынче пошли образованные: надо — так китайский выучат.

Я уж совсем собрался сбегать за топором, но тут наша беседа перетекла в иное, весьма любопытное русло.

— Мир погряз в грехе и дьявольских кознях, — вещал мормоныш, размахивая кружкой. — Одни стяжают богатств и сокровищ, другие — славу, власть и почести, иные же полны высокомерия, жестокосердны и не внемлют стонам голодных, убогих и сирых, иные же жаждут крови и веселятся на пепелищах, иные торгуют словом божьим, требуя мзду за всякое священное деяние — даже за то, чтоб проводить усопшего в последний путь. Воистину, они грешны! Забыты ими слова господни, а ведь он повелел, чтоб люди не убивали, чтобы не лгали, чтобы не крали, чтобы не

произносили всеу имя господа бога их, чтобы не завидовали, чтобы не имели злобы, чтобы не ссорились один с другим, чтобы не совершали прелюбодеяний, ибо преступивший через законы господа погибнет! Спасибо, брат... да будет с вами милость Всевышнего... — (Я подлил ему кофе.) — Но самый мерзкий грех свершают те, кто предан Люциферу не по неведению или по слабости своей, не ради богатства или славы, но алчет дьявольского могущества и пособничает ему в улавливании душ, творя колдовство и чародейство. Вот вы, мой добрый мастер, кто вы такой?

— Крысолов, — отрекомендовался я, — скромный крысолов-токсидермист. Ловлю крыс и набиваю чучела — для музеев и кунсткамер. Разумеется, во славу господа, ибо крыса — тоже дьявольский пособник.

— Вполне достойное занятие, — кивнул Джек-Джон-Джим, — хотя, я полагаю, не очень приятное. Но всякий смертный несет свой крест, и всякий труд почетен перед господом, если свершается во славу и во имя его...

— Аминь, — молвил я, предложив мормонышу сигарету. Он не отказался.

— Но те нечестивцы, маги и колдуны, о коих я упомянул, трудятся не на бога, на дьявола, за что гореть им в геенне огненной! Ибо сказано, — он потряс книгой, — сказано так: если пытались вы

делать зло во дни вашего испытания, то будете признаны нечистыми пред судилищем Божиим, а ничто нечистое не может существовать при Боге, и потому вы должны быть отвергнуты навек. Но сказано также: если праведная душа, жертвенная и не запятнанная грехом, — тут он ударил себя в грудь, — спасет нечестивца и выведет его на верную дорогу, то обретут они оба благоволение Господа и рай в его объятиях. И вот я...

— Погоди-ка, парень. — Мне пришлось дернуть его за рукав, чтобы остановить этот поток красноречия. — Кто тут у нас нечестивец? Ты на кого намекаешь? На меня?

Мормоныш перекрестился.

— Ни сном, ни духом, добрый мастер! Ваше занятие, как сказано мною выше, почетно и полезно. Я же говорю о колдунах, об истинных нечестивцах, предавшихся Люциферу. Не думают они про Страшный суд и кару Господню, а лишь плодятся и увеличиваются в числе — и у нас, и у вас, и в иных странах, и даже в Святой земле, политой кровью Спасителя нашего. Повсюду видны их злые лики, а богомерзкие слова звучат в эфире и...

Не понимая, к чему он ведет, я привстал и выглянул в окно.

— Не вижу злых ликов. Оголодавшие, правда, попадают.

Джек-Джон-Джим сокрушенно покачал головой:

— Здесь не видны. Но если вы пройдете дальше, к супермаркету и доске с рекламой, то узрите, брат мой, обличье колдуна и прочтете имя его и призыв, исполненный дьявольской гордыни. И это лишь один из многих! Серж Орнати, нечестивец, пособник Сатаны!

В самом деле, был у нашего универсама щит, а на нем — плакаты и листовки с объявлениями, и среди них встречалось и такое: мой бывший сосед с горящим магнетическим взором, в кольце самонадеянной надписи: «Серж Орнати: Бог предназначтал, а я исправлю!» Перебор, конечно, но в рекламных агентствах служат сплошь одни атеисты.

Я поскреб в затылке, выдавил наивную улыбку и произнес:

— По странному совпадению, Джек, этот самый нечестивец был моим соседом. Из квартиры сто двадцать два.

Зрачки морmonyша вспыхнули, он вздрогнул, прижал святую книгу к сердцу и приподнялся, готовый бежать, обращаться и спасать. Пришлось хлопнуть его по плечу, дабы привести в чувство.

— Спокойней, парень. Был сосед, да сплыл.

— Это как понять, брат мой? — Он перешел на русский. — Это есть ваша рашен идиом?

— Она самая. Русская идиома, и сосед мой тоже был русским, а потом сделался «новым русским» и переехал. Дом у нас, видишь ли, старей, в нем «новые русские» не живут.

Глаза у Джека-Джона-Джима округлились.

— А где они живут, сэр?

Я пожал плечами:

— На Кипре, Крите или Мальорке... Не знаю! И никто не знает. Ни УБОП, ни Интерпол.

— Что есть УБОП? Также рашен идиом?

— Не идиом, а аббревиатура, — ответил я и объяснил ему ситуацию. Почему бы и нет? Подписки о неразглашении остроносый с меня не потребовал.

Осознав, что грешник исчез в неопределенном направлении и избавить его от геенны не удастся, мормоныш погрузился. Нашлось у него еще несколько вопросов — все о том, как нечестивец Орнати дошел до жизни такой и нельзя ли спасти его супругу, его чад или хотя бы соседку, что обитает сейчас в сто двадцать второй квартире. Пришлось сказать, что жена у него мусульманка и проходит по другому ведомству, а чадо имеется одно, пятилетнее, и значит, юное и безгрешное. Оставалась соседка, и мой мормоныш желал познакомиться с ней с упорством, свойственным религиозным фанатикам и придуркам. Правда, на мой вкус, он чуть-чуть переигрывал.

В конце концов это мне надоело, и я сказал:

— Ждать соседку бесполезно, она на гастролях в Туруханске. Очень далекий город в сибирской тайге. Вокруг одни концлагеря, еще со сталинских времен. Сталин, кстати, тоже был Иосифом, как ваш преподобный Смит.

Проигнорировав мою последнюю реплику, Джек-Джон-Джим приподнял белесые брови и с заметным разочарованием воскликнул:

— На гастролях!

— Вот именно. Моя соседка в цирке служит, дрессировщицей. Тигры, львы, медведи, крокодил и два мастифа... Есть и третий, говорящий, но его она дома оставила. Злой, как Сатана!

Мормоныш поперхнулся кофе.

— Говорящий пес? Это есть такой рашен шутка?

— Какие шутки! — с чувством сказал я. — Сам по стеночке каждый божий день пробираюсь, дрожу, чтоб зверюга дверь не вышиб! Да что говорить — выйди на площадку, приложись ухом и послушай. Знаешь, что он орет? Прр-раведника мне, прр-роповедника! Жрр-рать хочу!

На том мы и расстались, навешав друг другу лапши на уши. Я потянулся к словарю, но настроение было не читабельным. Мысли кружились медленно, будто грифы над свежим трупом, не успевшим как следует протухнуть.

Трупов — или, если угодно, крыс — было две: одна, остроносая, предъявила мне удостоверение, другая — книгу с золотым тиснением, но я полагал, что все это сплошная иллюзия и обман. Обе они подбирались к Сергею, и оставалось лишь догадываться, когда и как он ухитрился насолить и нашим, и вашим. Кто они — наши и ваши — тоже было не совсем ясно, но нюхом опытного крысолова я чуял, что люди это серьезные, привыкшие вершить свои дела не при солнечном свете, а преимущественно в сумерках.

Конечно, не составляло труда позвонить Жанне и спросить, но это было б опрометчивым поступком. Раз заварилась такая каша, то телефон Арнатовых скорее всего на слуху, и что бы я ни спросил, чем бы ни поинтересовался, все будет Сергею не к пользе, а мне поставлено в вину. С чего бы, действительно, мне звонить? Был у меня сосед, не брат, не друг-приятель; потом переехал и, по официальной версии, стал заниматься превращениями досок, железных чушек и стекла в капусту. Напревращал, сколько хватило магической силы, и отвалил. На Кипр, на Крит или на остров Мальорку... Ну и что же? Обычная история по нынешним временам...

В общем, я не рискнул звонить и, укрепившись в намерении отправиться завтра на дачу, включил телевизор.

Шли последние известия. В Подольске в очередной раз был воздвигнут памятник жестоко убиенному государю Николаю II. Памятник этот регулярно взрывали, и теперь, для лучшей сохранности, цоколем ему служил настоящий бетонный дот с бронированной дверью и четырьмя амбразурами — дабы отбить атаку с любой стороны слезоточивым газом. В Москве, на улице Горького, торговали вразнос взрывчаткой, киллеры отстреливали видных демократов, экономисты толковали о долгах, дефолте, инфляции и реструктуризации, левые сражались с правыми, Дума билась с президентом, губернаторы — с мэрами, а в дыму этих баталий всякие умники приватизировали державу оптом и в розницу. Собственно, она была уже давно распродана, расчленена и препарирована, и меж ее руин бродили крысы и гиены всех мастей, выхватывая тут и там кусочки пожирнее.

Не успел я додумать эту мысль, как на экране возникла физиономия престарелого кудесника и мага из бывших южно-союзных краев, который мог обставить Сержа, как дитя, в искусстве превращений: был он первым секретарем, стал президентом, но не исключалась и дальнейшая трансформация — в хана, султана или короля. Слушать его мне не хотелось, я переключил канал и напоролся на рекламу мебельного салона

«Венеция», который не обещает клиентам морковок, не делает из них петрушек, но честно экономит их капусту. Прослушав это объявление, я восхитился, сделал себе овощной салат и съел его, размышляя о венецианских маврах, венецианских дожах и венецианской мебели.

И приснилось мне в эту ночь, что я поехал не в Испанию, а в Италию, в Венецию, и там, у собора Святого Марка, встретился с Сержем: он стоял подобно монументу на груде долларовых пачек, загадочно усмеялся и протягивал мне блестящий шарик из оптического стекла. А с тыла к нему подбирались мормоныш и остроносый.

Глава 3

Утром в субботу я встал пораньше, плотно перекусил, добрался до вокзала и вместе с толпой дачников влез в пригородную электричку. Путь от Питера до Приозерска неблизкий, часа три, и, скучая на жесткой скамье, покрытой изрезанным рваным пластиком, я размышлял о разных разностях. К примеру, о том, отчего бы России не вступить в НАТО. Геополитический фактор за нас: альянс нуждается в усилении, а мы — в финансах; получим их и достроим Байкало-Амурскую магистраль, чтобы пресечь китайские амбиции... Почему бы нет? Политика — это искусство

возможного, а парадоксам истории несть числа... В такт моим раздумьям за окнами мелькали стволы карельских сосен, кто-то из пассажиров включил магнитофон, и томный голос певца посоветовал: не прогибайся под этот изменчивый мир, пусть он прогнется под нас.

Я, собственно, не собирался прогибаться. Психика у меня устойчивая, закаленная жизненными испытаниями, учебой, армией, аспирантурой и Проматом. Эти четыре периода моей жизни резко различались между собой, но было и сходство: подчинение вышестоящим, отсутствие нижестоящих и вечное безденежье. Даже в армии я никем не командовал, а подвизался в качестве лейтенант-программиста при чуде отечественной техники компьютере «Пурга». Этот компьютер, по задумке, должен был заменить в бою пятерых генералов, но в мирную эпоху его — и меня вместе с ним — рассматривали как чистый нонсенс. В лучшем случае как нонсенс, а в худшем — как опасную диверсию империалистической шлюхи-кибернетики. Оно и понятно: генералам вовсе не улыбалось, чтоб их заменили компьютеры.

Но теперь, впервые за много лет, моя позиция стала иной. Теперь я был крысоловом, человеком свободной профессии, уважаемым в определенных кругах; я обладал репутацией почти непогрешимого пророка, я не имел конкурентов, зато имел

заказчиков и даже кое-какие деньги.

Собственно, я математик и занимаюсь теорией игр. Играю, разумеется, не в шашки и не расписываю пульку на четверых, зато могу промоделировать третью мировую войну или какой-нибудь политический катаклизм: что, например, случится, если Дума заломает президента или наоборот. Само собой, эти прогнозы носят гипотетический характер, однако они гораздо более определены, чем смутные догадки политиканов, финансистов или дельцов теневого бизнеса. Прежде я трудился над такими проблемами, как оптимизация зон поражения при обстреле потенциального врага со спутников, а теперь больше рассчитываю вероятности выигрыша во всевозможных «пирамидках» и лотереях. И не жалею об этом. Как-то, в бытность мою в Промате, пришлось нам моделировать последствия аварии на ЛАЭС — иными словами, играли дяди-математики в Чернобыль, но только под Петербургом. Поверьте, выглядело это страшно, даже в компьютерном исполнении.

Так что я ничуть не сожалею, что переквалифицировался в крысолова. Надо отметить, что данный термин несет тройкий смысл — прямой, жаргонный и переносный. Прямой очевиден: крысолов — это борец с вредоносными грызунами, искусник по части капканов, ловушек и

ядов. Жаргонный обозначает одну из категорий квартирных воришек, которые (о польза чтения словарей!) подразделяются на «обходчиков», «наводчиков», «хвостовщиков», «балконщиков», «форточников», «сычей», «ходящих по соннику» и «крысоловов». Но переносный смысл этого термина не столь очевиден и весьма глубок. Происходит он, разумеется, от крысы, только не серой, а финансовой, каких в условиях демократических свобод расплодилось видимо-невидимо; ну а где крысы, там и крысолов.

Если угодно, считайте меня сыщиком, аналитиком или специалистом в области прогнозов, но я определяю свою профессию иначе: охотник на крыс. Случается мне оказывать и другие услуги, в смежных и сопредельных областях — так что если вам нужен деловой совет, если вы стонете под гнетом налогов, если вас интересует рейтинг определенных фирм, если вы нуждаетесь в кредитах или в финансовой «крыше», если вы подыскиваете партнеров или намерены утопить конкурента — словом, если при минимуме затрат вы хотите добиться максимальной пользы, навестите меня. Вместе мы пересечем океан коррупции, инфляции и девальвации, минуем отмели монетаризма и рифы налогообложения, уцелеем в мафиозных штормах, переживем обвальные лавины и окажемся на благодатных

островах, густо заросших «черным налом». В конце концов, экономика должна быть экономной, и я продемонстрирую вам это на практике — но, разумеется, не бесплатно. Еще я объясню вам законы нынешнего российского рынка, согласно которым социалистическая экономика плавно переросла в криминальную.

Промелькнули Орехово, Сосново, Лосево, затем электричка прогрохотала по мосту над Вуоксой. Внизу ревел, ярился и стонал широкий поток; волны хищно облизывали скалы, две отважные байдарки мчались по самому стрежню с маниакальным упорством самоубийц. В течение следующих сорока минут поезд приближался к Приозерску, вагон постепенно пустел, а пейзаж за окном становился все более девственным, суровым и диковатым. Местность тут, говоря языком топографов, сильно пересеченная: овраги и буераки, холмы и скалы, ручьи и речушки, а также болота, озера и лужи. Все это — за исключением водных пространств — поросло соснами да елями, осинами да березами, все обильно увлажнено, украшено папоротником, мхами и зарослями дикой малины. Поселки тут небольшие, однако, по давней финской традиции, просторные — от дома до дома не докричишься. Отличное местечко, чтоб спрятаться, когда отоваришь пару-другую поддельных авизо.

Я вышел на станции Морозное, в одном перегоне от Приозерска. Отсюда до моей фазенды полчаса пешком: сначала по шоссе, потом по грунтовке, ведущей к совхозу «Три Сосны», потом мимо озера за холм к детскому лагерю «Солнышко», а от него — по колдобистой дорожке через лес, потом снова через лес, но уже без дорог и тропинок. Дорожка сворачивала к хутору Петровича, служившего пожарником в «Трех Соснах»; Петрович, основательный мужик в годах, его супруга Клава, их дочь, зять и малолетние внуки были самыми близкими из моих соседей. Не в смысле духовной близости, а чисто территориально.

Одолев дорогу в бодром темпе, я подошел к калитке, остановился и осмотрел свои владения поверх штакетника. Дом — небольшой бревенчатый сруб с трубой, под крашенной охрой железной крышей; слева — веранда с крыльцом и дверью, справа — дровяной навес на четырех столбах и кубометра четыре неколотых дров. Еще имелись деревянный столик со скамьей, будка — отхожее место, колодец, большая ель, десяток сосен, кусты одичавшей смородины, а также трава — в буйном и непобедимом изобилии.

Дверь на веранду была притворена, трава не примята, дым из трубы не вился, на кустах смородины алели грозди ягод, еще не

оприходованных дроздами. Безлюдье, тишина, покой... Только с дровами случилось что-то непонятное — они были раскиданы, словно под навесом порезвился средних размеров носорог. Но старые, заляпанные краской лабораторные халаты, в которых я красил крышу, по-прежнему висели на вбитом в столб гвозде. Халатов было два: один — синий, другой — коричневый, и в кармане коричневого хранились запасные ключи от веранды и от двери в дом. Сергей, разумеется, знал про этот тайник.

Я окликнул его и, не получив ответа, направился к крыльцу, сшибая по дороге желтые головки одуванчиков. Тягостное чувство вдруг охватило меня; внезапно подумалось, что если звонок Сергея действительно связан с визитом кавказских родичей, то ему положено находиться тут, на моей фазенде, вместе с дочкой. А Маша была весьма непоседливым существом, достаточно шустрым и активным, чтобы крыльцо и стол, трава и каждый смородинный куст носили явный отпечаток ее присутствия. Правда, Сергей не говорил, что собирается сюда с Машуткой... Ее могли отправить в Лодейное Поле или к какой-нибудь Жанниной подружке...

«Или на Крит», — мелькнула дурацкая мысль, когда моя ладонь коснулась двери.

Она была не заперта, и ключи торчали в

замке.

Веранду — почти пустую, если не считать колченогого столика с газовой плитой, двух табуретов и полки с разбросанными по ней кастрюлями, тарелками и сковородками — щедро заливал полуденный солнечный свет. Тени оконных переплетов рисовались на желтом дощатом полу четкими прямоугольниками, и в самом большом из них, скорчившись на боку, нелепо вывернув шею и выбросив правую руку за голову, лежал мой бывший сосед Сергей Арнатов. Мертвый, с черной дырой в виске, уткнувшись носом в черное пятно засохшей крови.

Лежал он здесь давно, и смрадный дух накатил на меня, заставив остановиться на пороге.

Шока, однако, не было. Я привычен к виду трупов. Нервы у меня крепкие, ростом и силой бог не обидел, и потому в скудные студенческие времена мне доводилось прирабатывать, в морге Третьей Городской. Не каждый день, но уж, во всяком случае, не реже, чем на Ленинградской товарной. На станции обычно разгружали лес, а в морге приходилось ворочать покойников, обмывать их, перекладывать с каталок на столы, где их обряжали либо вскрывали — словом, подсобничать прозектору «от и до». Не самая лучшая, но и не самая худшая из работ, какими мне приходилось заниматься; вдобавок она изгоняет мистические

надежды на бессмертие, на опыте подтверждая, что из праха мы вышли и, несомненно, обратимся в прах.

Правда, в Третьей Городской я имел дело с чужими трупами, а этот, вытянувший руку будто в мольбе или для защиты, был мне хорошо знаком. Был... Это слово, отнесенное к человеку, который помнился мне здоровым и живым, резануло внезапной болью. Затем я подумал о Машутке, огляделся в поисках детских вещей, не обнаружил ничего и, осторожно обогнув Сергея, направился в дом.

Единственная комната была перерыта, но — к облегчению и счастью! — ни игрушек, ни Машиных платьев тут не наблюдалось. В шкафу и на самодельном книжном стеллаже явно что-то искали, как на веранде в разгромленной кухонной полке. Постельное белье и книги выброшены на пол, шкаф отодвинут, одеяло содрано с тахты и вместе с подушкой, матрасом и одеждой Сергея валяется в углу, пакля в бревенчатых стенах кое-где повыдергана, стол перевернут, а стулья разбиты в щепки; перед печкой-голландкой — груда золы: значит, шарили в печке и дымоходе. «Возможно, — подумал я, — искали похищенный миллион?.. Или сколько там слямзил Сергей в своем банке?.. Может, остроносый меня не обманывал?.. Насчет авизо, цветных металлов и оптических стекол?..»

Все, что я наблюдал сейчас, напоминало работу суровых поделщиков, весьма недовольных своим партнером. Компаньонов, которых надули, от коих скрылись в карельские чащи, стиснув в клювике заветный миллион. Но они, эти поделщики, шустрые парни, произвели оперативный розыск, добрались до партнера и клювика и свернули его набок вместе с шеей... А потом принялись искать.

Вот тут-то и получалась неувязка! Зачем искать, если партнер-обманщик вычислен и изловлен? Не проще ли спросить? Само собой, с пристрастием, с битьем по ребрам, резекцией ушей и поджиганием конечностей. Спросить, выпытать, забрать свое законное, а уж потом...

Я вернулся на веранду и осмотрел Сергея, не прикасаясь к нему даже кончиком пальца. Одет он был в домашнее — в тапки на босу ногу, в потертые джинсы и ковбойку. Уши целы, пятки — тоже... Никакого криминала, кроме отверстия в виске...

Конечно, я не сыщик, а крысолов, но, чтоб восстановить картину произошедшего, не требовалось состязаться ни с Шерлоком Холмсом, ни с Эркюлем Пуаро. Сержа, видимо, застали врасплох: дверь распахнулась, он обернулся и вытянул руку, стремясь защититься — возможно, что-то в ней находилось, пистолет или нож, но сейчас его ладонь была пустой и как бы повернутой

к себе, словно в последний миг он изучал свою линию жизни. Наверное, его движение испугало вошедшего — тот выстрелил с порога и угодил в висок. С одной стороны, такая скорая расправа пахивала дилетантизмом, с другой — как мне, во всяком случае, казалось, — стрелял профессионал, стрелял быстро, четко и метко. И вряд ли он был один — в одиночку за миллионом не едут. Значит, целая команда: приехали, обложили дом, пристрелили Сержа и принялись за розыски...

Странная история!

Я размышлял об этом, уже шагая к лагерю, где был ближайший форпост цивилизации — иными словами, телефон. Зрительная память у меня отличная, и, прокручивая в голове печальный пейзаж смерти и хаоса, я вдруг подумал, что все это напоминает вендетту. Не добрались ли до Сержа джигиты с кавказских гор, родичи Жанны-Джаннат? Вот эти бы точно сперва пристрелили, а после начали разбираться — кровь южная, горячая... Но первая часть спектакля под названием «Месть гяуру» не стыковалась со второй, с поисками на веранде, в доме, в дровяной пристройке и, быть может, во дворе. Что им было надо, этим гипотетическим джигитам? Охальника они прикончили, чего ж искать? Скорей спалили бы они мою фазенду, и делу конец...

Добравшись до лагеря, я с боем проник в

кабинет тощей и склочной директрисы, объяснил, что не шучу, что я не телефонный хулиган и что ей, директрисе, будет, если она рискнет чинить помехи правосудию. Затем, отыскав в справочнике номер Приозерского УВД, позвонил и описал ситуацию: мол, явился в выходной на дачу отдохнуть, открыл дверь, сунулся на веранду, а там — труп недельной свежести с дырой в виске. Директриса не спускала с меня бдительных глаз, но вроде бы успокоилась, заметив, что после звонка я не собираюсь убежать. Чувствуя, как спину сверлят стальным сверлом, я снова склонился над телефоном и — чудо из чудес! — смог дозвониться в Питер, остроносому майору Скуратову.

Новости его не порадовали, но разбираться со мной и с ними на расстоянии он не пожелал. Буркнул: «Едем. Ждите!» — потом спросил, кто еще в курсе, и очень неодобрительно засопел, узнав, что приозерские коллеги тоже будут. «Скажите им, чтоб ничего не трогали и не топтались возле дома», — распорядился он и повесил трубку.

Под конвоем директрисы я направился к воротам лагеря, украшенным фанерным солнышком с широкой лукавой улыбкой. Минут через двадцать подкатил «газик», а в нем — молодой лейтенант УГРО, шофер, фотограф и два сержанта. Лейтенант оказался парнем

распорядительным: одного подчиненного оставил у лагеря, дабы сопровождать высокое питерское начальство; другой был отправлен в обход по ближним и дальним соседям — не слышал ли кто пальбы, не видел ли подозрительных рож под стрижкой бобриком; ну а все остальные, включая меня, погрузились в «газик» и отправились к фазенде.

Пока протоколировался мой отчет в расширенной версии (приехал, открыл, вошел, а там...), пока фотограф, резво подпрыгивая и приседая, щелкал снимки с крыльца и через окно, пока сержант, вернувшийся с обхода, докладывал о скромных результатах (не знаю, не видел, не слышал) — словом, пока крутилась вся эта кутерьма, миновала пара часов. Лейтенант отправил водителя в лагерь, справедливо решив, что питерским гостям не одолеть колдобистой лесной дорожки на «Жигулях»; «газик» взревел и вскоре вернулся с новой командой сыщиков: остроносый, два эксперта в штатском и, разумеется, еще один фотограф. Меня опять допросили с пристрастием, засняли на пленку виды снаружи и изнутри, очертили мелом контуры трупa, собрали в пробирку засохшую кровь, нашли и осмотрели пулю, потом перенесли Сергея в «газик» и приступили к совещанию. Участников было четверо: Иван Иванович, его эксперты и лейтенант. Я болтался у

калитки и смог уловить немного: «Дней десять тут пролежал... Стреляли из «макарова», в висок... Казанские?.. Сомневаюсь. Свидетель (взгляд в мою сторону) упоминал о вишневом «мерсе»... Думаете, связь имеется?.. Почему же нет? Знакомый почерк — «макаров» и приметная машина... Ну, машину тут никто не видел... В городе видели, значит, связь была... Выходит, Танцор?.. Возможно... А он откуда? У нас тут казанские плясуны, а о танцорах не слышно... Да все оттуда, лейтенант. Из новых, из отколовшихся... Тот еще отморозок!..»

Тем временем к моей калитке подобрался хмурый пожарник Петрович с зятем, супругой Клавой и десятком взбудораженных односельчан. Выглядели они как стадо лосей в преддверии массового отстрела.

Петрович дернул меня за рукав:

— Слышь, Димыч, чего случилось-та? Вовка-сержант сказывал — убили кого?

— Убили, — подтвердил я, протягивая Петровичу сигареты. Это было непременно ритуалом, маленькой данью, снимаемой с городских. Он прикурил от моей зажигалки, выпустил струйку густого дыма и произнес:

— Убили, значитца... А кого?

— Серегу помнишь? Который у меня тут с дочкой жил? Прошлый год и позапрошлый?

— Его, что ли? — Петрович поскреб в густой

бороде. — Вот, б... убивцы! Ха-ароший ведь был мужик... В прошлом годе мы с ним пиво на станции пили...

— Тебе все пиво да пиво! — прошипела тетка Клава, но, развернувшись в мою сторону, тут же сменила тон: — А дочка ихняя где? Такая шустренькая, масенькая, чернявенькая... Никак и ее?..

— Без дочки он был, — откликнулся я. — Дочка, наверное, в городе.

Тетка Клава, доброй души человек, пригорюнилась.

— Теперь безотцовщиной вырастет... ой, вырастет! Чего ж на верхах-то смотрют? Чего глядят на энтих иродов? Иль они всех купили? — Вопрос был явно риторическим, и тетка Клава, выдержав паузу, запричитала: — Вот ироды так ироды! Поганцы так поганцы! Дите малое папани лишить...

— Ха-ароший, бля, мужик... — угрюмо пробурчал Петрович, дымя моей сигаретой. — Пиво я с ним пил...

Тут, закончив совещание, к нам приблизился остроносый майор Скуратов и велел очистить территорию от посторонних. Затем он повернулся ко мне с явным намерением поговорить — но не для протокола, а так, по душам.

— Ну, что скажете, Дмитрий Григорьич?

— Плохо работает Интерпол, — отозвался я. — Вроде бы нам обещали Крит или Кипр? Или Мальорку, на худой конец?

Он проглотил мой намек не поморщившись.

— Вы первым осматривали дом. Что-нибудь нашли? Ценности, деньги, бумаги?

Перед словом «бумаги» он слегка замялся. Я выдавил улыбку.

— В дымоходе был чулок, а в нем — миллион двести тысяч долларов в мелких ассигнациях. Я их зарыл в лесу. Хотите, пройдемся до этого места?

— Не стоит язвить, Дмитрий Григорьич. Совсем не стоит, — с легкой обидой сказал остроносый.

— Не стоит вешать лапшу, Иван Иванович, — парировал я.

Скуратов наклонился, поднял валявшийся у калитки ржавый гвоздик и с минуту разглядывал мое лицо — будто выбирая, куда бы его воткнуть, в ноздрю или прямо в глаз. Было ясно, что я ему не нравлюсь — как, впрочем, и он мне.

Шумно выдохнув, он что-то пробормотал о тайнах следствия, затем поинтересовался:

— Вчера вы действительно не знали, что Арнатов прячется у вас на даче?

— Действительно не знал. Ему доводилось тут бывать, а я не делаю секрета, где спрятаны ключи.

Мы обогнули дом, и я показал ему старые

халаты, висевшие на темном от времени столбе. Остроносый кивнул.

— Однако вчера вы не были со мною откровенны, Дмитрий Григорьич. Мы ведь беседовали с Жанной Саидовной, с супругой Арнатова, и знаем, что он здесь бывал. Знаем также, по какой причине. А вы мне ни полслова не сказали.

— Это их семейная тайна, — объяснил я. — Сами понимаете, Восток — дело тонкое.

— Восток, значит... А если я вас привлеку за ложные показания?

— А если я вам напомню протокол? — Я поднял глаза к ясному синему небу и процитировал: — Вопрос: какие отношения были у вас с Арнатовым? Ответ: дружелюбно-соседские, но без детального проникновения в личную жизнь. Стаканчик белого по праздникам и мелкие взаимные одолжения... — Мой взгляд переместился на физиономию майора. — Вы ведь не спросили об этих мелких одолжениях? Если б спросили, я бы, возможно, о них рассказал.

Остроносый вытер ладонью вспотевшее лицо.

— Непростой вы человек, Дмитрий Григорьич... Ох, не простой!

— Это точно, — признался я. — Могу взять интеграл Лебега по любому контуру. Даже во сне.

— Ну, раз вы такой крупный специалист, — с

сарказмом заметил остроносый, — мы ограничимся пока подпиской о невыезде.

Но это меня не устраивало — ведь я собирался в Испанию! В Андалусию — к маврам, пальмам, теплому морю и огненным пляскам фламенко.

— Никаких подписок, — твердо заявил я. — В четверг я вылетаю за рубеж. На отдых. В Коста-дель-Соль.

Глаза майора мстительно блеснули.

— Никуда вы не полетите, Дмитрий Григорьевич. Вы — важный свидетель. — Он подумал и со значением добавил: — А может, и подозреваемый.

Я приподнял бровь.

— Отчего же не полечу? Билеты, путевка и паспорт с визой у меня в руках. Если вы меня тормознете — к примеру, в таможне, сунув в мой чемодан ЛСД, — то я гарантирую вам трех свидетелей-журналистов, которые проверят мой багаж на каждом километре от города до Пулкова.

— Вот как? — Теперь бровь приподнял остроносый. — У вас такие обширные связи с прессой?

Я подтвердил, что именно так, и мы принялись торговаться. Вероятно, получить санкцию прокурора остроносый никак не рассчитывал и потому давил на сознательность и

гражданские чувства. Но я держался как скала, которая не идет к Магомету, и в скором времени победил. Мы условились, что мой вояж неприкосновенен, но, возвратившись из теплых краев в Северную Пальмиру, я тут же отзвонюсь и в будущем стану всемерно содействовать следствию.

На том мы и разошлись. Вещи Сергея забрали, остроносый со своими сыщиками погрузился в «газик» и исчез, а я, перекусив по-быстрому бутербродами, начал прибираться: вынес с веранды битую посуду, поставил на место шкаф, сложил в него разбросанное постельное белье, вернул на стеллаж книги. Имущества в моей фазенде немного, и все это заняло не больше двадцати минут. Покончив с уборкой, я запер обе двери — на веранду и в дом, проследовал к навесу, огляделся и решил, что сложу дрова в поленницу попозже. В другой, значит, раз, поскольку в этот мне и так досталось.

Приняв такое решение, я направился к коричневому халату, сунул в его отвисший карман запасные ключи и окаменел.

Там что-то было! Что-то гладкое, деревянное, похожее на небольшую коробочку, чуть поменьше ученического пенала.

Я вытащил ее и открыл.

В ней лежали разноцветные патрончики — примерно такие, в каких хранится фотопленка.

Патрончиков было пять: черный, белый, пестрый, желтый и золотистый — но в этой коробке, наверное, поместились бы еще два. Надписи или какие-нибудь условные значки отсутствовали, и на коробке тоже не нашлось никаких указаний — ни орнамента, которым обычно украшают пеналы, ни марки изготовителя, ни, разумеется, цены. Просто лакированная деревянная коробочка, сделанная очень аккуратно — похоже, на заказ.

Осмотрев ее, я присел на корточки, вынул черный патрончик, поднес к уху и встряхнул. Предположение о том, что в этих футлярах хранится пленка с суперсекретной информацией — к примеру, как дюжина гейш моет в бане новосибирского губернатора, — не подтвердилось: над ухом чуть слышнобрякнуло. Там находился какой-то твердый предмет величиной с футлярчик, ибо звук был слабым и глухим: ничего не перекачивалось, не шуршало и не скребло по внутренней стенке.

Алмаз?.. — мелькнула мысль. Здоровенный алмаз на двести тысяч долларов; пять футляров — как раз миллион... Знающие люди, успешно подделав авизо, тут же обращают доллары в камешки, чтоб вывезти их затем на Кипр или Крит под видом оптического стекла...

Конечно, это являлось нелепостью; я был уже уверен, что мой покойный сосед не воровал

никаких миллионов, равно как и стратегического сырья — в слитках, досках или очковых стеклах. Дело было в другом. В чем же?

Я отщелкнул тугую крышку с черного патрончика и вытряхнул его содержимое на ладонь. Это было что-то спиральное, плоское, перекрученное, размером в половину мизинца, изготовленное из стекла или какого-то полупрозрачного сплава. Предмет оказался довольно тяжел, цвета обсидиана, и его очертания, а также мерцавшие в глубине крохотные серебристые огоньки не давали пищи для разумных гипотез. Ровным счетом никакой!

Выяснив это, я сунул странную штучку в футляр, закрыл его и положил в карман. Потом повторил эксперимент — на сей раз с белым патрончиком.

Как и ожидалось, там было нечто белое, переливчатое, неопределенной формы, притягивающее взор. Я попытался рассмотреть эту вещицу внимательней, но ее контуры как бы дрожали и расплывались — и, что самое интересное, я тоже словно бы расплывался вместе с ней. В голове воцарилась звенящая гулкая пустота, ток мысли замедлился, мозг оцепенел, и я внезапно обнаружил, что не могу вспомнить ни имени своего, ни фамилии, ни адреса, ни телефона. Пустота тем временем тоже расплывалась и

ширилась, захлестывая все новое пространство, окружая меня со всех сторон, обволакивая невидимым туманом; теперь я казался себе самому крохотной точкой, падавшей в бесконечную пропасть, в какой-то бездонный провал, в трещину бесчувствия и безвременья.

Это падение длилось, длилось, длилось...

... Удар! Свет! Яркий, режущий... Путь окончен. Ощущение бесформенного предмета, стиснутого в ладони, взгляд на часы... Кажется, что я просидел здесь на корточках, привалившись спиной к бревну, минут сорок — сорок пять, пребывая все это время в полном ступоре. В таком же, как жена Лота, превратившаяся в соляной столб, или как те несчастные, коим довелось узреть ужасный лик Горгоны... А если не касаться мифологических сюжетов, то просто как мамонт в вечной мерзлоте.

Поднявшись и утвердившись на ногах, я на ощупь сунул белую штучку в футляр, футляр — в коробку, закрыл ее и опустил в карман халата. Это был превосходный тайник для таких опасных игрушек, на которые и поглядеть-то нельзя — лучше сразу в печку, вместе с халатом. Но жечь я их не хотел, а чего хотел, так доискаться до их сокровенного смысла. Грешен, что поделаешь! Самонадеян и любопытен!

Впрочем, не только это двигало мной. Я

понимал, что в коробке — что-то запретное, колдовское; быть может, некие амулеты для экстрасенсорной практики или трансперсонального погружения в нирвану. Возможно, так оно и было — если вспомнить, где до недавних пор трудился мой сосед. Странные слухи ходили о Психоневрологическом институте... Не менее странные, чем о загадочном «ящике» под вывеской «Красная заря» и некоторых лабораториях Военно-медицинской академии... Но слухи слухами, а реальность была тут, передо мной. Я уже не сомневался, что Сергея убили из-за этих опасных игрушек, и печалился о нем — а еще больше о Жанне и Машеньке. Что с ними будет? Допросы, обыски, угрозы, уговоры? Все возможно! Если до меня добрались — до приятеля, десятая вода на киселе! — то уж их-то в покое не оставят...

Я поглядел на халат, соображая, не отдать ли эту чертовщину кому следует. Отдать, чтоб отвязались... Вот только кому? Остроносому? Либо вчерашнему мормонышу? Либо иродам и поганцам, убившим Сергея? Пожалуй, найдутся и другие желающие... А раз ситуация смутная, если неясно, что отдаешь и кому, то лучше не спешить. Как гласит народная мудрость, поспешность нужна при ловле блох.

С этой нехитрой мыслью я покинул дом, где на полу белели контуры мертвого тела, и зашагал к

станции. Уже переминаясь на платформе в ожидании приозерской электрички, потянулся к карману за сигаретами и обнаружил там нечто твердое и гладкое. Маленький черный цилиндрик с обсидиановой спиралькой... Не амулет ли смерти? Но я глядел на него и остался жив. Значит...

Пронзительный гудок всколыхнул прохладный вечерний воздух и раскатился гулким вибрирующим эхом. Приближалась электричка.

Глава 4

В воскресенье утром, после завтрака, я наконец познакомился с оолитами. Оказалось, что это мелкие округлые зерна из углекислой извести или окислов железа концентрически-скорлуповатого, иногда радиально-лучистого строения. Кто бы мог подумать! В общем, почти бесполезные сведения, однако прилагательное «концентрически-скорлуповатый» меня восхитило, и я произнес его вслух два или три раза, добиваясь легкости звучания. После оолитов в словаре шла «оология», наука о птичьих яйцах, но тут пришлось остановиться, чтобы позвонить Жанне. После вчерашних событий не имело значения, прослушивается ли ее телефон. Самое страшное уже случилось, и в чем бы — истинно или ложно —

ни обвиняли Сергея, факт его смерти перевешивал все его прегрешения, а также всю правду и ложь.

Я позвонил, но безуспешно — ни Жанны, ни Машеньки не было дома.

Потом начались звонки ко мне. Звонили заказчики: двое — из новых, один — из старых клиентов. Старым оказался Андрей Аркадьевич Мартьянов, мужчина во всех отношениях положительный: не пьющий, не курящий и не бедный. Он отзывался на кличку Мартьяныч и торговал бытовой техникой, в основном «Сименсом» и «Бошем»: холодильниками, стиральными машинами, пылесосами, чайниками и утюгами. Были у него четыре больших магазина, приносящих немалый доход, и при всем том мафия его не трогала: Мартьянов, мужик предусмотрительный, из бывших милицейских, первым делом обзавелся крепкой стражей и теперь не только сам себя берег и защищал, но и оказывал знакомым всякие полезные услуги. Его охранное агентство называлось «Скиф» — то ли потому, что скифы наши предки, то ли из-за пристрастия Мартьяныча к поэзии и персонально к Александру Блоку. Девиз агентства был таким: «И хрустнет их скелет в могучих наших лапах». Чей именно скелет, однако, не уточнялось.

Месяцев шесть назад я сделал для Мартьянова прогноз о сроках предстоящего обвала. Должен

заметить, что такие предсказания весьма трудны; здесь надо учесть огромное количество факторов, от позиции МВФ и ставок ГКО до состояния президентской печени и тому подобных кремлевских интриг. Но я с этим справился и определил, что падение курса рубля произойдет в сентябре — октябре девяносто восьмого. Возможно, в июле — августе, если кабинету Черномырдина сделают харакири, что отнюдь не исключалось. Во всяком случае, мой клиент должен был сбросить рублевую массу не позже мая и обратить свои капиталы в валюту и товар. С валютой не предвиделось проблем, а вот насчет товара Андрей Аркадьевич и хотел со мной посоветоваться.

Мы договорились о randevу — через час, на моей квартире, — и я положил трубку. Почти тут же раздался новый звонок: некая дама, директор страхового общества «Гарантия и покой», мечтала получить у меня консультацию. Мы поговорили о том о сем; из ее намеков было понятно, что даме не терпится схарчить пару-другую конкурентов, тоже подвизавшихся в страховом бизнесе. Дело это тонкое, непростое, и я, уведомив просительницу о расценках, сказал, что возьмусь за него, но не сейчас, а через две недели, когда отгуляю отпуск. Она удивилась: разве у людей моей профессии бывают отпуска?.. Бывают, ответил я, ибо

крысоловы — тоже люди.

Последним позвонил какой-то старец с рекомендациями от Петра Петровича, а может, от Абрам Абрамыча. Этот интересовался, что ему делать с обязательствами «МММ», «Хопра» и «Гермес-Финанса». Я сказал, что делать, и в утешение добавил, что за этот свой совет не требую гонорара.

Тем временем подъехал Мартьянов — на скромных «Жигулях», никакой помпезности, никаких золоченых бамперов. Комплекция его впечатляла: повыше меня и пошире в плечах, с брюхом шестидесятого размера. Он, безусловно, относился к сословию «новых русских», но был не из тех навороченных мужиков, у коих пальцы веером, а уши трубочкой. Это был боец! Конквистадор Писарро, ковбой с Дикого Запада! Дни стояли теплые, но он облачился в плащ, карманы которого подозрительно отвисали. Этот старый милицейский дождевик являлся его обычной униформой, и я знал, что в левом кармане хранится кастет — на случай мелких разборок, а в правом — «беретта», на случай крупных. Еще под плащом скрывался обрез с чем-то колюще-режущим, так что Мартьянов мог хоть сейчас идти в штыковую атаку или залечь и отстреливаться в траншеях.

Он стиснул мою ладонь, пробормотал:

«Люблю тебя, предвестник рока, люблю твой неподкупный вид» — и величественно проследовал на кухню, к столу с крепким чаем и бисквитами. Мы сели и занялись делом.

В данный момент бизнес Андрея Аркадьевича процветал, но не было сомнений, что после обвала его ожидают полный застой и диссипация. Причин к тому имелось две: во-первых, холодильник «Бош» не самый нужный из предметов в эпоху кризиса, а во-вторых, с падением рубля правительство тут же начнет аннексировать выручку в твердой валюте. А это означало, что с «Бошем» придется раздружиться: «Бош» не делает поставок за фуфу. С учетом всего вышесказанного я посоветовал клиенту переменить товар. Лучше заняться топливом и продовольствием, мясом или зерном; можно подумать о птицефабрике, о свиноферме, пивном заводе или бензоколонках. Мартынов слушал и горестно вздыхал. В холодильниках и утюгах он разбирался неплохо, а к мясу, зерну и бензину испытывал недоверие. Оно и понятно: мясо портится, зерно гниет, а бензин приходится разбавлять — иначе какая выгода?

Дослушав до конца, мой гость вздохнул в последний раз, наморщил крутой лоб и поинтересовался гулким басом:

— Предложишь еще что-нибудь?

По радио в этот момент передавали увертюру

к «Баядерке», и я сказал:

— Можно девочками торговать... Или контрабандными сигаретами.

Мартьянов ухмыльнулся и процитировал:

— По рыбам, по звездам проносит шаланду; три грека в Одессу везут контрабанду... Нет уж, Дима, друг дорогой, стар я для таких выкрутасов. Я уж лучше в Канаду эмигрирую и займусь каким-нибудь законным промыслом. К примеру, вешалками из лосиных рогов.

— Тоже дело, — согласился я.

Наступила пауза. Мы прихлебывали крепкий горячий чай — единственный напиток, который признавал Мартьянов, — и размышляли каждый о своем. Андрей Аркадьевич думал, вероятно, о предстоящем кризисе, о холодильниках, бензине, вешалках и рогах; мои же мысли текли сразу по нескольким направлениям: одно ответвлялось к Андалусии, другое — к амулету, прихваченному с дачи, а третье — к новым моим знакомцам, ко всяким мормонышам и остроносым. Наконец, вспомнив о милицейском прошлом гостя, я спросил:

— Мартьяныч, ты в нашем УБОПе кого-нибудь знаешь?

— Знаю. Примерно всех. Видишь ли, мой «Скиф» это и есть УБОП. Или, если угодно, наоборот. Людям-то жить надо... — Он с

удовольствием вдохнул курившийся над чашкой пар и сощурился: — А что, есть проблемы?

— Собственно, никаких. Про майора Скуратова не слыхал? Иван Иваныча? Тощий, жилистый, лет сорока пяти и с носом, как у Буратино?

С обстоятельной неторопливостью Мартьянов допил чай, вытер испарину со лба, подумал и вынес заключение:

— Не наш. Даже не из Питера. И не из нашего УБОПа. Если ему за сорок, так я его должен знать. А раз не знаю, выходит, что фрукт со столичной елки. Их сюда понагнали целый батальон, только не в УГРО, не в УБОП и УБЭП. Я думаю, твой Иван Иваныч не с Петровки, а с Лубянки.

— А Танцор кто такой?

Мартьянов помрачнел.

— Редкая гнида! Авторитет купчинской группировки... Ко мне подкатывался, «крышу» сулил... Ну, парни мои его наладили! Двигай, говорят, пока твоя крыша протекать не начала! Запихнули в «Мерседес» и дали пинка под бампер.

— В «Мерседес»?

— А куда ж еще? Он в вишневом «мерсе» разъезжает. Прямая тачка! Любит шляться по кабакам, форсить и девочек снимать... Правда, льстятся на него немногие.

Он замолчал, с невозмутимым видом

разглядывая потолок. Мол, спрашивай — отвечу... Такой уж у него стиль, и мне он импонирует. Не лезет в душу, не хитрит и не пытается разнюхать, зачем тебе эти сведения и что ты на них наваришь; но если возникнет проблема, поможет. Само собой, не всякому и с соблюдением деловых интересов.

Я налил ему чаю и спросил:

— А почему немногие льстятся?

— А потому, друг мой, что рожей он не вышел. Или мама таким родила, или по пьянке кирпич приложили... Уродлив как черт! И хамоват. Ни обаяния, ни вежества... Говорили, он даже у экстрасенсов лечился, чакры подкачивал — чтоб, значит, симпатию в девушках пробуждать. Только я в это не верю. Чего бы ему ни накачали в эти чакры, наружу вылезет одно дерьмо.

Мартьянов поднялся и стал собираться, пыхтя и прилаживая свой арсенал по местам. Отзвучала музыка из «Баядерки», приемник прокашлялся и хрипло вздохнул; затем пошли новости — о таджикских сепаратистах, о кавказских неурядицах, о схватках в Приморье между мэром и губернатором, об импичменте, интригах Чубайса, угрозах Зюганова и президентских болезнях. Мой гость послушал-послушал и мрачно произнес:

— «Мой дядя — самых честных правил; когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог».

На этой многозначительной цитате мы и распрощались.

Я послушал радио, размышляя о нашей сегодняшней жизни, являвшей забавную смесь российских и зарубежных реалий — большей частью американского производства. У нас разом появились городовые и полицейские, губернаторы и мэры, черная сотня и мафиози, импичмент, дефолт, бизнесмены и могила последнего монарха; все это смешалось в кашу, достигло точки кипения, а затем выплеснулось за край кастрюли обычным российским беспределом, сдобренным клейкой подливкой коррупции. Этот последний штрих роднил нас со странами Черного континента, которые мы успешно догоняли в сфере повального воровства и взяток. Отсюда резюме: если мой покойный сосед проворовался бы в самом деле, то я его не осуждаю. Ведь все воровали — и Центробанк, и просто банки, и депутаты Думы, и министры, и Пенсионный фонд, и таможенники, и генералы. Слово по мановению палочки злого волшебника, наша держава превратилась в один гигантский лохотрон, где честь и совесть были самым бросовым товаром.

Начались криминальные новости, и среди прочих угонов, аварий и грабежей мелькнула пара фраз о Сергее Арнатове, сотруднике Психоневрологического института. Труп найден за

городом, убийство случилось дней десять назад, причина неизвестна, стреляли из пистолета «макаров», версии отрабатываются... Все.

Я вздохнул и снова набрал номер Жанны.

На этот раз она была дома и рыдала навзрыд — мне удалось лишь понять, что ее вызывали на опознание, что Машенька у подруги и что родители Сергея приедут вечером. Отплакавшись, она немного успокоилась, и мы смогли поговорить. Кажется, ей было очень стыдно, что все приключилось на моей даче, что я каким-то образом втянут в эту историю, что пострадали мое имущество и реноме, а также я сам — если не в физическом, то в моральном смысле, поскольку вид трупа никого не радует, а погружает в шок, и ей, как медику, это понятно, а потому...

— Кончай, — прервал я этот водопад сожалений и извинений. — Скажи-ка, твой отец собирался приехать?

— Собирался, — пробормотала она сквозь слезы, — но только в сентябре. А что такое, Дима?

— Ничего, — ответил я. — Так, любопытствую.

Выходит, Сергей скрывался на моей фазенде не от кавказских родичей! И уж, конечно, не потому, что похитил мифический миллион с хвостиком в двести тысяч. Все это были сказки да байки, народный фольклор, лапша от липовых

остроносых майоров.

— К тебе приходили?

Жанна всхлипнула.

— Еще две недели назад, когда Сережа исчез... Сказал, что у него неприятности и надо месяц пересидеть в каком-нибудь тихом месте. Я ругать его принялась... знаешь, не нравилось мне, что он Косталевского бросил, из института ушел, и дело его не нравилось, вся эта магия с эзотерикой, и люди, которые к нам ходили... Вот, говорю, доигрался! Наверное, бандиты наехали! А он хохочет — не бойся, с бандитами я разберусь, век будут помнить! Вот и разобрался...

Телефонная трубка нагрелась. Пришлось поднести ее к другому уху.

— В самом деле бандиты пришли?

— Нет, из милиции. С Литейного... из отдела организованной преступности...

— Борьбы с преступностью, — уточнил я. — Ты уж нашу милицию так не обижай... А кто приходил-то?

— Майор... — чувствовалось, что она лихорадочно вспоминает, — майор Скулаков... нет, Скуратов, Иван Иванович. Допрашивал, где Сергей, а его помощники всю квартиру перевернули, искали какие-то деньги и документы. Я им показала, где доллары лежат, две тысячи, Сережа на жизнь оставил, а они — никакого внимания и снова

ищут... Я потом три дня прибиралась...

— Погоди-ка... Он что же, обыск у тебя учинил? С санкции прокурора? С понятыми?

— А разве ему нужны какие-то санкции? Я и не знала... Этот Скуратов — большой милицейский начальник... сказал, Сергей в чем-то плохом замешан и надо квартиру обыскать... Тут я испугалась, Дима... не обыска испугалась, а того, что Сергей попал в историю... Он ведь изменился, понимаешь? Сильно изменился за последний год. Не из-за денег этих шальных, а как-то по-другому... будто силу почувствовал... власть над людьми... и надо мною тоже... Мы все вместе решали, вдвоем, а теперь он по-своему делает и не спрашивает... то есть делал...

Она опять всхлипнула. Я молчал, вслушиваясь в полубессвязное бормотание, давая ей выговориться. Мы не были особенно близки, но горе есть горе, и я ее понимал. Мне самому доводилось чаще терять, чем находить.

— Понимаешь, Дим, я этой милиции больше напугалась, чем бандитов... Этого Иван Иваныча... Раз пришел, значит, защиты искать негде... ведь он — власть... Ну и...

— Ну и гони его в шею, если еще раз придет, — посоветовал я. — Терять тебе больше нечего, так что лучше признайся отцу во всех грехах. Он теперь твоя защита. Пусть приезжает с

братьями в Питер и объяснит Иван Иванычу, что такое закон шариата.

— Я... я... — кажется, она снова собралась заплакать, — наверное, я так и сделаю. Я только за Машутку боюсь...

— Не зверь же Саид-ата, признает родную внучку! Скажи ему, что твой Сергей на самом деле был Сулейман и правоверный татарин. За татарина тебе можно замуж?

— Н-наверно, м-можно... не знаю я...

Она заплакала, и мне пришлось ее утешать, что не совсем удобно по телефону. Телефон не предназначен для таких деликатных переговоров, так что, когда мы закончили, я был в испарине, будто ишак, перетащивший тонну груза.

К вечеру похолодало, небо затянули тучи, и стал моросить мелкий противный дождик — напоминание о том, что лето, в сущности, на исходе, осень не за горами, а за нею — долгая, ветреная и сырая петербургская зима. Но это не вызывало у меня сожалений. В перспективе ожидалась солнечная Андалусия, а здесь и сейчас я был вовлечен в сферу событий, от коих тянуло загадочным ароматом мистики и опасности.

Какое соблазнительное сочетание! Хотя я не отношусь к авантюристам, разгадка тайн всегда влекла меня: тайна, в сущности, один из немногих моментов, что придают остроту нашей пресной — а

временами страшной — обыденности. К тому же сам процесс разгадки является захватывающей игрой, и главная ее прелесть в том, что эта процедура не алгоритмизируется. Иными словами, ее нельзя положить на компьютерный язык и расписать по пунктам — делай то, затем это и в результате с неизбежностью получишь верный ответ. Разумеется, здесь нужна логика, но в не меньшей степени — интуиция, подсознательный инстинкт, искусство правильной оценки событий и фактов — все то, чего не объяснишь компьютеру ни на одном алгоритмическом языке. Крайне увлекательное занятие!

Я раскрыл словарь на термине «оология», потом отложил его и, вытащив из ящика письменного стола черный патрончик, вытряхнул на ладонь спиральный амулет. Два опыта с игрушками Сергея давали мало данных для гипотез, но кое-что я уже понимал. А раз понимал, то мог проанализировать факты, осуществив затем ретроспекцию в прошлое. Базовым фактом, конечно, были странные штучки, запрятанные в футлярах: не оставалось сомнений, что Серж использовал их для магических процедур и что они — причина драмы с летальным исходом в последнем акте. От них, как из начала координат, тянулось множество версий-векторов — и к прежней работе Сергея Арнатова, и к его

эзотерической практике, к его внезапному богатству, к его патрону Косталевскому, к Танцору на вишневом «Мерседесе» и, наконец, к необходимости скрываться и к тому, что им активно занимались три команды разом. Я обозначил их как альфа, бета, гамма, расположив по мере поступления заявок: сначала остроносый, затем мормоныш, а на последнем месте икс, пробивший дырку в черепе Сергея. Что-то — пожалуй, интуиция — нашептывало мне, что этот икс — особая величина, не связанная ни с альфами, ни с бетами; от них он отличался слишком своеобразным почерком — не вел душеспасительных бесед и не строчил протоколов, а сразу стрелял на поражение. Что, как отмечалось выше, выглядело чрезвычайно странным.

Я поборол искушение пройтись по каждому из векторов, ибо, при дефиците информации, все они вели в никуда, в область беспочвенных домыслов и фантастических гипотез. Из всех фактов, какими я располагал, только один являлся объективным и вполне надежным: белый амулет подействовал на меня, а черный — тот, который лежал сейчас в моих ладонях — казался столь же безобидным, как подвеска от хрустальной люстры.

И что бы это значило? Что амулеты обладают какой-то селективностью? Правом выбора? Что эта черная спиралька безопасна для меня, но на других

людей — каких? — воздействует с необоримой силой, погружая в транс или лишая памяти?

Я размышлял над этими проблемами, когда раздался звонок. Не телефонный: кто-то желал пообщаться со мною face to face — иными словами, лицом к лицу.

Это была моя соседка Дарья, серый мышонок с повесткой в зубах.

— Дима, вы ко мне не зайдете? — произнесла она дрожащим от волнения голосом.

Я, разумеется, зашел. На первый взгляд в квартире Арнатовых ничего не изменилось: все та же полутемная прихожая с маленьким диванчиком, стенным шкафом и вешалкой, прямо — кухня, налево — спальня, направо — гостиная, она же — бывшая детская. Мебель тоже была прежней: в спальне — широкая тахта, трельяж, гардероб и тумбочка с вычурной лампой, в гостиной — стол, стулья, книжные полки, два кресла и диван. Исчезла лишь кроватка Машеньки, а вместо нее я увидел новый телевизор и древний комод с большой цилиндрической клеткой, в которой сидел на жердочке хохлатый белый попугай. Несомненно, какаду, с Молуккских островов, и наглый до невозможности. Заметив меня, он тут же встрепенулся и завопил:

— Прр-рохиндей! Прр-ронырр-ра! Вон! Вон!
Дарья порозовела.

— Извините, Дима. Петруша у нас такой невоспитанный...

— Прр-роехали вопрр-рос! — гаркнул попугай. — В поррт, в поррт! Сигарр-ру, крр-реолку, р-ром — в номерр-ра!

Я невольно вздрогнул.

— Это Колин попугай, — пояснила Дарья. — Коля, мой брат, первый помощник на сухогрузе. Он мне квартиру купил, но с тем условием, чтоб я забрала Петрушу.

— Здрр-равая мысль, здрр-равая, — проскрипел попугай. — Петрр-руша прр-редпочитает крр-реолок!

«Невероятная птица, — подумал я. — Правда, сексуально озабоченная».

Дарья улыбнулась:

— У Коли очень строгий капитан. Он решил, что Петруша разлагает команду, хотя все было наоборот. Но он так решил и сказал: «Или Коля утопит Петрушу в Карибском море, или их вдвоем спишут на берег».

— Надо было утопить в Китайском, — отозвался я под аккомпанемент возмущенных криков Петруши. Самым невинным его выражением было «прр-рохвост!», а еще он бормотал какие-то гнусности на испанском, китайском и бенгали.

— Дима, я получила повестку, — сказала

Дарья трагическим шепотом.

В прихожей было темновато, и мне вдруг подумалось, что я еще не видел ее лица при ярком свете. Мы сталкивались раз десять или двадцать, на лестничной площадке, в полутьме, как призраки, сбежавшие с кладбищенских погостов. Соседи-привидения... «Здравствуйте, Дима...» «Здравствуйте, Даша...» И до свидания. Вот и весь контакт.

Но теперь я заметил, что соседка моя высока и стройна, что ее волосы темной волной спадают на плечи и что в зрачках ее мерцают подозрительные огоньки. Пахло от нее чем-то нежным, приятным, будившим греховные мысли и желания. Женские флюиды, не иначе. Должен признаться, она испускала их весьма интенсивно.

— Повестка, — произнес я, сглотнув слюну. — От майора Скуратова Иван Ивановича. Так я ее лично под дверь вам подсунул.

— И что же мне делать? — с растерянностью спросила Дарья.

— Плевать. Никуда не ходить, ни в чем не признаваться и все валить на брата, который плавает сейчас у Соломоновых островов. Если начнут пытаться, кричите громче и обещайте пожаловаться Владимиру Вольфовичу Жириновскому. Его милиция боится. Даже УБОП.

— Вы шутите, Дима. А повестка-то — вот

она...

Дарья протянула мне измятый клочок бумаги и включила лампу — наверное, для того, чтоб я мог прочитать каракули Иван Иваныча и удостовериться еще раз, куда и зачем ее вызывают. Однако повестка не привлекла моего внимания: в этот миг Дарья казалась мне гораздо более интересным предметом.

Только сейчас я разглядел ее по-настоящему и поразился: ничего от серой мышки, от тихони-скромницы, скользившей день за днем мимо моих дверей. Она сняла очки — может быть, носила их не по причине слабого зрения, а так, для пущей солидности. Такие девушки обычно обходятся без очков. Какие — такие? — спросите вы? Для тех, кто не понял, даю детальное описание.

Рост — сто семьдесят без каблуков, вес — под пятьдесят, талия тонкая, ноги — длинные, кисть изящной лепки, пальцы с розовыми ноготками, без всяких следов маникюра. Щеки — гладкие, с симпатичными ямочками; подбородок округлый, носик пикантно вздернут, губы — пухлые, и нижняя чуть выдается вперед; глаза — карие, с едва заметной раскосинкой, а волосы — цвета спелого каштана. Все на месте, все в масть, а масть та самая, которую я люблю. Проверено на опыте. Блондинки ленивы и холодны в постели, рыжие — изменницы и стервы, брюнетки тоже стервозны и агрессивны, а

вот шатенки — в самый раз. То, что надо.

Я снова сглотнул, взял протянутую мне повестку и куда-то бросил. Может быть, на пол, а может, под вешалку.

Глаза Дарьи заметно позеленели.

— Знаете, Димочка, — сказала она, отступив на шаг к дверям спальни, — господь с ней, с повесткой. Мне нужен ваш совет, но по другому вопросу. Я... я... Словом, со мной происходит нечто странное. Нечто такое, чего мне не удастся объяснить.

Речь у нее была четкая, правильная, но несколько книжная, как бывает у прирожденных гуманитариев, закончивших филфак. Еще я заметил, что ее халатик — не слишком длинный и не слишком короткий — слегка распахнулся, явив моим взорам стройные ножки до середины бедер. Бедра были безупречными.

— Вы ведь были знакомы с прежними владельцами моей квартиры? — Она отступила еще на шаг, и я последовал за ней. Меня приглашали в спальню, и я совсем не возражал в ней очутиться. Правда, попугай опять разразился воплями: «Прр-роходимец! Порр-ка мадонна! Попорр-чу прр-ропилеи!» — но я показал ему кулак, и он заткнулся.

— Вот, Дима, взгляните. — Дарья, заметив, куда устремлены мои глаза, порозовела, одернула

халатик и остановилась у тахты. Ее палец с розовым ноготком указывал на лампу.

Этот светильник я помнил — Арнатовы привезли его с юга, из Ялты, а может, из Сочи. Изображал он маяк высотой сантиметров тридцать: основание, обклеенное ракушками, затем латунное колечко, цилиндр матового стекла, а над ним — еще одно кольцо и лампочка под абажуром, словно прожектор под маячной крышей. Довольно убогое изделие, и я не удивился, что его бросили здесь, вместе с мебелью, вряд ли подходившей к новым арнатовским апартаментам.

— Лампа, — сказал я, выдавив глубокомысленную улыбку. — Напряжение двести двадцать, патрон стандартный, больше сорока ватт не вкручивать. Есть еще какие-то проблемы?

Дарья вздохнула:

— Как вы все понятно объясняете, Дима... Сразу чувствуется, что вы — человек с техническим образованием.

— С математическим, — уточнил я.

— А я вот филолог... переводчица... Английский, немецкий и французский языки.

— Тоже неплохо. — Я подошел поближе, принялся (от Дарьи пахло все соблазнительней) и сообщил: — Лампы необходимы математикам и переводчикам, чтоб создавать комфортную освещенность изучаемых текстов. У вас есть к ней

претензии? Сейчас починим. Возьмем отвертку и...

— Отвертка, я думаю, не нужна, — сказала Дарья, наклонилась, и прядь ее каштановых, с рыжеватым отливом волос скользнула по моей щеке. — Вот, горит!

Она повернула верхнее латунное колечко, и под крышей крохотного маяка вспыхнул свет.

— Горит, — подтвердил я, с наслаждением вдыхая ее запах. — Так в чем проблема?

— Позавчера я повернула нижнее кольцо. Я никогда этого не делала, Дима. Случайно получилось... Вот так...

Там была еще одна лампочка, в матовой колбе, изображавшей башню маяка. Она зажглась, наполнив стеклянный цилиндр неярким бледным сиянием, но в его глубине просвечивало что-то голубоватое, трепещущее, ритмично колыхавшееся в такт частым ударам моего пульса. Мы с девушкой не могли отвести глаз от этого голубого мерцания, и я внезапно ощутил, как воздух в спальне сгущается и тяжелеет, становится возбуждающе-пряным, вливается в глотку, будто вино, течет по жилам огненной струей и гонит кровь к чреслам. Глаза Дарьи вдруг сделались огромными, влекущими, манящими, как два чародейных озера, в которых мне предстояло утопиться — утопиться наверняка, с единственной альтернативой — нырнуть ли в одно из них или же

в оба сразу. Я глубоко вздохнул и потянулся к девушке.

— Порр-рок торр-жествует! Карр-рамба! Карр-раул! — каркнул попугай в гостиной, но мы с Дарьей даже не повернулись к нему.

Я рухнул на постель, судорожно пытаюсь выскользнуть из брюк, а Дарья рухнула на меня. Под халатиком на ней ничего не было.

Глава 5

Я проснулся рано и не в своей постели.

Моя была холодной, узкой, жестковатой, пропахшей одиночеством и табаком — постель холостяка, где женщины — редкие гости и столь же случайные, как ананас в банке сардин. Но это ложе было рассчитано на двоих. Широкое, мягкое и теплое, как летний луг, согретый солнцем... И витали над ним ароматы любви, запах духов, крахмаленных простынь и сплетенных в экстазе тел.

Я покосился направо — Дарья спала, свернувшись калачиком, прижавшись щекой к моему плечу; веки ее были сомкнуты, веера ресниц подрагивали в такт дыханию, каштановые локоны рассыпались по подушке. Я посмотрел налево — лампа, хрупкий маяк моего нежданного счастья, казалась темной и мертвой, как руины Вавилона.

Где путеводный свет звезды, толкнувший нас в объятия друг друга? Где огонек, мерцающий вдали над летним, полным знойной страсти лугом?..

Строчки, слетевшие стрелами с тетивы Эрота, возникшие из вакуума, из астральных бездн, мелькнули в сознании и погасли. Я криво усмехнулся. Должен сказать, подобная манера выражаться мне совершенно несвойственна. Как многие из нас, в юные годы я отдал дань романтике и поэзии, сложив десяток очень посредственных виршей, но те времена давно миновали. Теперь я предпочитаю размышлять и действовать. Так что звезды звездами, Эрот Эротом, но пора приниматься за дело.

Медленно, стараясь не разбудить Дарью, я соскользнул с ложа любви и выбрался в коридор, прихватив ворох своих одежд и матовый стеклянный маячок. Когда я крался мимо гостиной, попугай приоткрыл один глаз, уставился в мою сторону и буркнул:

— Прр-реллюбодей!

— Прр-ридурок! — отреагировал я.

— Петрр-руша хочет жрр-рать! Жрр-рать!

Порр-ртвейн! Крр-реолку!

— Обойдешься, крр-ретин.

Обменявшись любезностями, мы расстались, и я отправился на кухню. В ящике кухонного стола нашелся кое-какой инструмент — большая

погнутая отвертка, молоток, едва державшийся на рукоятке, тупое шило, ломаные пассатижи и перочинный ножик с половинкой лезвия. Взяв в руки отвертку, я с недоверием осмотрел ее, размышляя о том, сколь странные существа эти женщины. Они уверены, что отвертка — всегда отвертка, а значит, в хозяйстве вполне достаточно единственного экземпляра. Они не могут сообразить, что для винта с крестовой нарезкой необходимо соответствующее жало, а если перед вами винтик, а не винт, то и отвертка должна быть небольшой, а не размером с кочергу.

В конце концов, негромко чертыхаясь и скрипя зубами, я разобрал проклятую лампу. В ней обнаружился синий футлярчик — точно таких же габаритов, как в спрятанной на даче коробке. Он был пуст, а под ним лежало нечто голубоватое, приятно-округлое и гладкое, похожее на окатанный морем камешек — загадочный Венерин амулет, приворотное зелье, талисман неиссякающей страсти... При виде его я почувствовал жжение в паху и ощутил, как воздух снова сгущается и тяжелеет, но справился с собой, быстро отвел глаза и на ощупь сунул опасную штучку в футляр, а футляр — в карман. Потом опустился на табурет и призадумался.

В коробке, обнаруженной на даче, хватало места для семи футлярчиков. Но было их пять,

считая с черным, который я забрал с собой, а семь минус пять равняется, как известно, двум. Где же они? Один сейчас в моем кармане, другой — весьма вероятно — похищен гаммиками, убийцами Сергея... Вполне логичный вывод! Я вспомнил его позу, руку, вытянутую вперед словно в попытке защититься — или что-то показать напавшим на него. Что-то ужасное, способное испепелить их, превратить в камень или свести с ума... некий могущественный амулет, который он держал при себе, на всякий случай, для защиты... Может, потому в него и стреляли? Сразу, без разговоров и обсуждений?

Эта мысль тоже казалась логичной, и от нее тянулась нить к команде гамма и к иксу. Кем бы ни были таинственные гаммики, об амулетах им было кое-что известно, а значит, они входили в окружение Сергея, вращались по близким к нему траекториям. «Возможно, кто-то из его клиентов?» — подумал я, припоминая сказанное Мартьяновым о несимпатичном Танцоре из купчинской преступной группировки, которого лечили экстрасенсы. Штучка, лежавшая в моем кармане, могла бы исцелить его... во всяком случае, на некий временной период...

Но при чем тут лампа? Сергей, конечно, не отличался аккуратностью, но чтоб устраивать тайник у изголовья супружеской постели... Что-то

в этом было вопиюще нелепое, смешное и в то же время закономерное, понятное, но не в рамках бесполой компьютерной логики, а в человеческих соображениях. Я догадался, что, зацепившись за эту самую супружескую постель. Все мы люди, все человеки, и всем нам хочется женской ласки и тепла, всем мечтается, чтоб нас любили... Особенно в те черные мгновения, когда нас занесло куда-то не туда, и любимая супруга говорит: а ты ведь изменился, понимаешь?.. сильно изменился за последний год... А сказавши это, поворачивается к вам спиной... Как тут избежать искушения? Ежели в ваших руках Венерин амулет любви...

Сергей, вероятно, пал в борении страстей, а после то ли забыл о своем амулете, то ли скорее всего не догадался вовремя вынуть его из лампы. Возможно, он пользовался им не раз, и это сделалось привычкой, а о привычном не вспоминаешь в хаосе переезда. Остановившись на этой версии, я решил пока не рассматривать прочих гипотез. Так ли уж важно, зачем, почему и для чего амулет оказался запрятанным в лампу? Со временем все прояснится. А в это утро у меня имелись другие поводы для размышлений.

Не очень приятные, надо заметить. Я думал о кареглазой девушке в теплой и мягкой постели, о том, что свела нас случайность, кривая тропинка судьбы, коварный похотливый ведьмин знак, что

прятался сейчас в моем кармане. Свести-то свел, а вот что дальше? Что она сделает, проснувшись, как поглядит на меня? С радостью? С гневом? С недоумением? А может, с отвращением — как смотрят на ловкача и насильника, который все-таки добился своего? Или повеет от нее холодом равнодушия — ни гнева, ни приязни, ни ласки, ни укора? Случилось так случилось, с кем не бывает... Всякий зверь спаривается в должный срок и в подходящем месте, не исключая мокриц и пауков-птицеедов...

Вообще-то я с легкостью расстаюсь с женщинами, без всяких комплексов, претензий и проблем, так что мысли, посетившие меня, казались отчасти удивительными. Я подумал, что эти терзания и опасения, возможно, связаны с тем, что Дарья — моя соседка, что правило «не гуляй, где живешь» нарушено самым грубейшим образом и что, встречаясь с ней, я буду испытывать вечное чувство вины и неловкости. Однако не стоило обманываться на этот счет. Никакой вины и никакой неловкости! Она мне просто нравилась, без всяких приворотных зелий и колдовских амулетов. Мне не хотелось расставаться с ней, терять ее — мысль об этом казалась нестерпимой. Я был готов на любые жертвы — даже согласен терпеть оскорбления ее нахального попугая.

Видно, эти думы погрузили меня в

окончательный транс, и я не услышал, как Дарья явилась на кухню. Только почувствовал вдруг ее запах, и тут же меня обхватили за шею, прижали к чему-то упругому, ароматному, куснули за ухо, поцеловали. Мой серый мышонок, внезапно обернувшийся принцессой... В отвертках она не разбиралась, но что касается всякого-прочего, была на должной высоте.

Нацеловавшись всласть, Дарья осмотрела стол и строго произнесла:

— Зачем ты разобрал нашу лампу?

«Нашу!..» — с восторгом отметил я, поглаживая что-то теплое и бархатистое. А вслух сказал:

— Все разобранное, птичка, будет собрано и починено. Хотя с такой отверткой придется попотеть. И пассатижи у тебя сломаны, и ножик...

Меня опять куснули за ухо.

— Зануда! Чини и собирай! А я займусь яичницей и кофе. Ты как любишь, черный или с сахаром и молоком?

Я опустил веки, ощущая, как в душу нисходит блаженный покой. Можно было не волноваться: я находился при деле, и женщина хлопотала вокруг меня. Что еще надо для счастья?

— Яичницу, пожалуйста, глазунью, на три яйца, с беконом или с ветчиной. Кофе без сахара и молока, покрепче. С кофе — бисквит, с яичницей

— хлеб. Хлеб надо бы поджарить... У нас есть тостер?

Самое интересное, что она казалась ужасно довольной.

* * *

Три дня до отъезда прошли в любви и покое, если не считать звонков. Чаще всего звонили клиенты, и приходилось информировать их, что у меня медовый месяц, что я отбываю на отдых в Испанию или скрючен в штопор приступом подагры. Пара звонков была от остроносого и один — от мормоныша: команда альфа желала знать, когда я покину российские пределы, где доверенная мне повестка и что там слышно от моей соседки; команда бета любопытствовала насчет души Орнати, греховного мага и колдуна. Отметив, что мормоныш уже раздобыл мой телефон, я дал исчерпывающие комментарии по всем вопросам: что отбываю в четверг, в шесть тридцать пять утра, чартерным рейсом на Малагу; что соседка уехала в Пермь, на встречу местных нефтяников с японским микадо; что вернется она не раньше, чем от Перми до Токио проложат нефтепровод; что повестку сожрал хулиган-попугай, обитающий в ее квартире, и что душа Арнатова уже в раю, о чем сообщила мне лично посредством телепатической связи.

Последняя информация предназначалась для мормоныша. Он, кажется, был искренне опечален, пытался разузнать подробности, но я сурово заметил: «Враг не дремлет!» — и надавил на рычаг.

Во вторник, когда Дарья отправилась по своим переводческим делам, а я перебрался из ее постели за свой письменный стол, произошла еще одна беседа. Довольно странная, надо признаться, и в иных обстоятельствах я бы принял ее за розыгрыш. Но в данном случае шутками не пахло.

Телефон брякнул, я поднял трубку, и в ней раздалось:

— Ты, козел? Ты? Слушай и не щелкай клювом.

подавив естественную реакцию рыкнуть: «От козла слышу!», я отозвался с сильным акцентом:

— Вы звонить в норвежский консульство. У телефона Олаф Торgrimsson Волосатый Пятка, атташе по культурный связь. Я слушать как одна большая ухо. Андестенд? Компроне ву?

— Слушай, фраер, — повторили мне пропитым баритоном, — все схвачено и повязано, от крыши твоей до хазы поганой. Найдешь и отдашь добром, будут бабки, а не отдашь...

Наступило многозначительное молчание, но тут Олаф Торgrimsson перестал понимать русский язык, перешел на английский и разразился градом вопросов:

— О, йес! Фак мани хам? Фейс он де тейбл? Дринк лав секс? Ор драйв файф смок? Рили? Ю о'кей?

— Не стучи кадыком, а шевели рогами, веник, — посоветовали в трубке. — Ясно сказано: найдешь, и мы тебя найдем да побазарим. Договоримся, если не станешь динаму крутить.

Торгримссон — благослови Творец справочники и словари! — вдруг овладел искусством ботать по фене.

— Не размножай мне мозги, перхоть, — грозно заметил он. — Сунь шнобель в варзуху, болт — в грызло и изобрази сквозняк. Режь винта, пока кислород не перекрыт!

Ошеломленная пауза в трубке. Потом:

— Ты что, придурошный? Вальты гуляют?

— Уже отгуляли, — сказал Торgrimссон. — Так что не извольте метать икру.

Снова молчание. Затем хриплый протяжный выдох:

— Ну, гляди, шустряк! Встретимся!

— Встретимся, мой расписной, — пообещал атташе, опуская трубку.

Однако шутки шутками, а разговор меня беспокоил. Я быстро собрался, бросил в сумку черный и голубой футлярчики, поехал в Промат и проследовал в свою лабораторию (три поста, три пропуска, кодовый замок на дверях и одинокий

завлаб Борис Николаевич — сидит, пьет чай и режется в шахматы с компьютером). Выпив с Борисом чайку и проиграв ему партию (все же начальник, надо уважить!), я спрятал колдовские раритеты в сейф. В мой персональный сейф, где в былые годы хранились папки с внушительным грифом «Секретно», а теперь валялся древний отчет о Чернобыльской катастрофе да лежала пустая мельница. Вот в мельницу я и сунул оба футляра, а после отправился домой, размышляя о полученных рекомендациях. Найдешь и отдашь добром, будут бабки, а не отдашь...

Кажется, команда гамма вступает в игру, подумал я, с тревогой ощутив, насколько не подкован в этой области. Собственно, кроме фени и циркуляции финансов теневого бизнеса, я ничего не знал — ни кличек, ни структурной иерархии, ни сфер влияния различных группировок. Мои контакты с преступным миром были исключительно редкими и сводились, как правило, к обмену информацией с их аналитиками. Этих я тоже не знал по именам и не встречался с ними лично, но мы беседовали — не с помощью телефона, а исключительно по электронной связи. Все они были специалисты не слабей меня (а попадались и покруче!), и все являлись интеллигентами-саявками на службе у «крестных отцов» — могли общаться хоть на греческом, но

только не по фене.

Я с горечью признал, что сам такой же лох-интеллигент и что топор в моей прихожей — сплошной обман для слабонервных. Ментальность у меня не та; может, и врежу топорищем, а вот железкой да по черепу — слабо. Отсюда следовал вполне логичный вывод: ну, гляди, шустряк! Будешь глядеть, возможно, и не встретимся...

«На дачу бы съездить, коробку забрать, — мелькнула мысль. — Все-таки сейф в Промате надежнее карманов старого халата...» Но этим я решил заняться по возвращении, когда восстановлю свой тонус с помощью фламенко и болеро, морских купаний, корриды и прогулок под пальмами.

Предстоявший вояж был счастливым подарком судьбы. Прошлой осенью я потрудился на некую питерскую фирму под скромной вывеской «Голд Вакейшн»: она организует отдых для солидных людей в Испании, Франции, Греции, на Канарах и еще в десятке мест, где теплые волны плещутся у берегов, заросших бананами и ананасами. Суть проблемы состояла в том, что голды льстились зафрахтовать «Тарас Шевченко» — самый шикарный одесский теплоход, совершавший круизы по Средиземному морю, от Стамбула до Гибралтара. Однако их предложение, весьма разумное и даже щедрое по нынешним временам, почему-то отвергли. Одесское морское

пароходство склонилось в пользу москвичей, агентства «Тур Марина Групп», не столь солидного, как «Голд Вакейшн», но чем-то потрафившего одесситам. Может, им нравилось нежное имя Марина, напоминавшее об известной московской писательнице (тогда как при слове «голд» на ум приходит разве что Голда Меир), а может, девицы у маринистов были более длинноногими или шутили веселей — в Одессе ведь ценят юмор... Так или иначе «Марине» улыбнулось, а «Голду» — нет.

Зафрахтовав корабль, маринисты тут же взвинтили цену путевок до небес, ополовинили команду, а после разбавили ее столичным блатняком — стюардами, у коих коленки тряслись при первом запахе спиртного, переводчиками с нижегородского на вологодский и мюзик-холльными спайс-герлс — эти, правда, предпочитали плясать не на эстраде, а в постелях. Словом, был выдержан железный принцип наших крыс: дать поменьше, содрать побольше, а заодно пристроить всех друзей и родичей.

Голды погоревали, подергались, посовещались и обратились ко мне — за консультацией и активной помощью. Я забрался через сеть в кадры маринистов и пароходства и сразу выяснил, что здесь и там фигурируют важные шишки по фамилии Горчак. Подумать только, какое совпадение: есть московский Горчак,

отечественный, и есть одесский Горчак, зарубежный; итого два Горчака — пара, а длинноногие девицы с юмором — так вовсе ни при чем! Эти Горчаки были кузенами: один возглавлял в пароходстве секцию грузопассажирских перевозок, а другой — опять-таки по странному совпадению — был хозяином «Марины». Установив сей важный факт, я спровоцировал пару-другую сбоев в перечислении платежей из Интербанка в банк «Сицилия Коммерсиале», после чего радяньский письменник «Тарас» застрял в Палермо на мели. Ввиду отсутствия финансов дозаправка топливом задержалась, корабельная касса пустила течь под грузом портовых сборов, корабль был арестован, а пассажиры — сплошь столичный бомонд — осатанели от скуки и взбунтовались. Их вывезли самолетами, поили шампанским и коньяком, но, появившись в Москве, все они как один (о, неблагодарность людская!) ринулись судиться с «Тур Мариной». Что до «Тараса», то он бы долго не увидел родных одесских берегов, если бы голды не покрыли неустойку. В результате фрахт достался им, одного Горчака погнали, уличив в коррупции, другой разорился и поехал крышей, а мне — в качестве премиальных — досталось провояжировать в Коста-дель-Соль. Шесть дней в пятизвездных апартаментах, с карточкой «голд-сеньор» (что

означало бесплатный харч и выпивку) плюс перелет бизнес-классом... Я, разумеется, не отказался.

В Испании я еще не бывал — как и в иных приятных странах, где можно любоваться солнцем триста дней в году. Промат — закрытая контора, а это значит, что мы сидели в нем как за каменной стеной; если же дверка приоткрывалась, то с другой стороны с удручающей регулярностью маячили Чехословакия, Польша и ГДР. Но все же я побывал в Берлине, Праге, Оломоуце и Кракове — понятно, на научных конференциях и под присмотром сероглазиков из КГБ; прочие территории, от Сингапура до Оттавы, посетили мой директор-академик и два его зама-членкора — само собой, с моими докладами.

Но я на них зла не держу — дело прошлое, гримасы социализма... Игра, которая кончилась проигрышем для всех. Сейчас, пребывая в статусе крысолова, я мог бы поехать в любую страну, в ту же Канаду или Австралию, но выпало мне испанское королевство, о коем я читал, пожалуй, лишь в исторических романах. И помнились мне сплошные дублоны и галеоны, Дон Кихот и Дон Жуан, а также Кортес и Мерседес из Кастилии.

Но в век космической связи и Интернета не существует проблем с информацией. Сам я, к слову сказать, не чайник, любитель туристских брошюр: я все могу выведать и разузнать вполне современным

способом, с помощью веб-сайтов и телеконференций.

И вот, возвратившись домой, я выбросил мрачные мысли об альфах, бетах и гаммах, сел к компьютеру, подмигнул чугунному Сатане, пошарил здесь и там и выяснил, что галеоны и дублоны канули в вечность, а нынче у нас имеются песеты и авиакомпания «Спейн Эрлайнз». Еще мне удалось установить, что генерал Франко, почивший в бозе, призвал на трон законную династию, что доллар тянет сотни полторы песет, что рыба и вино в Испании дешевы и что отели в Коста-дель-Соль (а это не что иное, как андалусийское побережье к востоку от Гибралтара) принадлежат в основном англичанам. Попутно я обогатился и другими полезными сведения — об оливках и карнавалах, соборах и пальмах, устрицах и омарах, испанских монархах и нудистских пляжах.

Назавтра, в среду, приспела пора собираться в путь.

В этом процессе главную роль играла Дарья, испросившая по такому случаю отгул.

По наивности я считал, что в дорогу хватит плавок, пары джинсов и носового платка. Не тут-то было! «Прр-ровинция! Прр-ростак!» — как выражается Петруша. Согласно списку Дарьи, мне полагался костюм для вечерних приемов, шесть рубашек (по одной в день), столько же смен белья,

две пары брюк (для завтраков и ленчей), шорты, туфли, кроссовки и сандалеты, солнечные очки, крем от загара, таблетки от головной боли, мыло, шампунь, одеколон, банки с икрой и значки (для подарков испанским камерадос) и три галстука. Все недостающее мы разыскали, обследовав десяток магазинов, но лично я приобрел лишь один предмет — синий галстук с белоснежным попугаем, удивительно похожим на Петрушу. Я не собирался его носить, но галстук прельстил меня своей длиной и прочностью; если когда-нибудь повешусь, то Дарья поймет, кто в этом виноват.

Итак, я приобрел галстук, а Дарья купила все остальное, включая икру и значки. Вот уже третий день, как я ощущал на своем загривке руководящую и направляющую женскую руку, и временами мерещилось мне что-то странное: пара золотых колечек, эпиталама Гименею, семейные ужины по вечерам и пухлый младенец в люльке.

Хватит, хватит наслаждаться любовью вне священных брачных уз!

Странно, но эта мысль уже не вызывала у меня отвращения.

Глава 6

Я летел бизнес-классом. В салоне имелось еще пять пассажиров, все — мужчины, и все — в

летах. Кресла стояли просторно, и можно было положить ногу на ногу без риска зашибить голень или растянуть связки. Этим я и занимался — то клал ногу на ногу, то снимал, а в промежутках пил шампанское, любовался стройными стюардессами и поглядывал в иллюминатор.

К моменту финиша, когда мы спустились пониже, выяснилось, что берега Андалусии сильно отличаются от побережья Карелии. Нет, определенное сходство все-таки было: необозримая морская гладь, а перед ней — холмы, овраги и даже горки, однако никаких болот, родимых елей и привычного изумрудно-зеленого фона. Зелень присутствовала здесь совсем в иных оттенках: маслянистые плантации казались сверху оливково-серебристыми, а пальмы — салатно-серыми. Море тоже выглядело другим — не унылым плацем сизо-стального цвета, а сапфировой равниной, отороченной белым жемчугом пены. Между морем и горами тянулась набережная километров в триста, и на нее были нанизаны все местные городишки и города — Гибралтар, Эстепона, Марбелья, Фуэнхирола, Торремолинос, Малага, Альмуньекар — и так далее, вплоть до Альмерии. У набережной в живописном беспорядке высились отели, построенные в форме египетских пирамид, цилиндров, кубов, спичечных коробков и Великой

Китайской стены. Все остальное пространство, насколько я мог разглядеть, занимали фазенды и гасиенды, бассейны и пальмы, пляжи и автостоянки, а также лавки и лавочки.

Мы приземлились, я вышел, получил от солнца кулаком в лоб, потом еще раз — в затылок, и поспешно скрылся в прохладном автобусе. К автобусу меня и прочих постояльцев проводили шустрые парни Леша и Гриша, агенты «Голд Вакейшн» в этих тропических краях. По их словам, местечко тут было райское: ни комаров, ни жуликов, ни сквозняков. Полная безопасность везде и всюду; про грабежи и разбой не знают сто лет, а последняя кража пляжных тапок случилась в девяносто втором году, когда здесь стали появляться российские туристы. В целом же публика европейская — немцы, британцы и испанцы, а ежели встретится негр, так непременно сенегальский принц. Правда, попадаются цыгане, но не слишком нахальные: кинешь песету, будут кланяться и благодарить.

Пока пассажиры познакомились друг с другом и внимали голосу Леша (а может, Гриши), мы покинули аэропорт, пересекли предместья Малаги и покатали к западу, к Торремолиносу. По краям дороги, за шеренгами мохнатых пальм, выросли корпуса гостиниц с непременно автостоянками и бассейнами, а дальше, на узких улочках, круто

уходивших вверх, виднелись окруженные зеленью дома поменьше — те самые гасиенды, фазенды и венты, которые я разглядывал с самолета. Они походили на цветки лотоса, вырезанные из кремовой слоновой кости.

Я то озирал окрестности, то с любопытством косился на своих компаньонов по предстоящему отдыху, летевших — в отличие от почетного гостя «Голд Вакейшн» — за свои кровные. Всего их было одиннадцать душ: пожилая чета, молодые супруги с шустрим парнишкой лет четырех, престарелый, но очень бодрый джентльмен с офицерской выправкой (кажется, он единственный тоже летел бизнес-классом), двое плечистых молодцов, похожих, как горошины из одного стручка, и три девицы — Элла, Стелла и Белла, все — вяловатые крашенные блондинки, определенно не в моем вкусе. Надо сказать, вино я люблю сухое, белое, а женщин — поярче и потемпераментней. Таких, как Дарья.

«Дмитрий и Дарья, — произнес я про себя. — Дима и Даша...» В этой двучленной последовательности ощущалось что-то созвучное и гармоничное. Я пожалел, что ее нет со мной. Ее стараниями два моих кофра ломились от бесполезных одежд, значков и баночек с икрой, но это уже не казалось нелепостью: впервые с тех пор, как мама покинула меня, я ощутил чарующее тепло женской заботы и ласки. Случай, Великий случай!

Эксперименты Сергея, его загадочная гибель и приворотный амулет...

Почувствовав, что на меня глядят, я обернулся. Два братца-близнеца, по имени Лев и Леонид, сверлили мой затылок одинаково серыми глазами. Ненавижу серый цвет! Он лжив и опасен. В Первом отделе Промата у всех сотрудников КГБ были серые глаза, и мы называли их сероглазиками. Вот и еще двое на мою голову... Два сероглазика в лейтенантском возрасте... Откуда? Из УБОП? Команда альфа? Это казалось невероятным. Трудно поверить, что столько внимания уделено моей скромной персоне. Вот если б то был не УБОП... как в прежние времена... в той же Праге и в том же Берлине...

При этих воспоминаниях я усмехнулся и начал размышлять о том, есть ли теперь российские агенты в испанском королевстве. Раньше они здесь, несомненно, были и не спускали с генералиссимуса пронизательных серых глаз, но в данный момент их пребывание в Коста-дель-Соль казалось гипотетическим. Как по причинам финансового свойства, так и ввиду полной бесполезности. Что им тут делать? Вербовать сенегальских принцев? Или следить за неким Дмитрием Хорошевым, специалистом по ловле крыс? Фантастика! Невероятно!

За Торремолиносом автобус свернул с

бесконечной набережной, проехал в горку с полкилометра и остановился у белого ажурного строения примерно в десять этажей, дремавшего среди платанов, пальм и мандариновых деревьев. Отель «Алькатраз», конец дороги, финиш! Мы начали шумно выгружаться и расселяться.

Номер мне достался на восьмом этаже, с гигантской лоджией и видом на горы. Обследовав спальню и гостиную, я обнаружил там кровать, диван, раскладные кресла, стол маркетри и телевизор; в стенном шкафу имелось тридцать вешалок и столько же полотенец и простыней. Еще была ванная со всеми удобствами и кухонька — плита, шкафчики, полный комплект посуды на четверых и холодильник с пивом и минералкой. Распаковав свои кофры, я принял душ, вытащил в лоджию кресло, прихватил пару баночек «Гиннеса» и стал обозревать пейзаж.

Внизу простирался внутренний двор отеля: бассейн в форме эллипса, обсаженный цветущими кустами, площадка со столиками под тентами, вход в ресторан, бар и маленький уютный парк, куда можно было удалиться с бутылочкой чего-нибудь холодного и распить ее в прохладе, под сенью огромных платанов. За парком простирались поля для гольфа, их огибало шоссе, а по другую его сторону торчали ржаво-красные, поросшие кактусами андалусийские холмы. Над ними висело

солнце — то же самое, что слепило глаза Колумбу и накаляло кольчугу Сида Воителя. Я глубоко вздохнул, расслабился и прошептал:

Воевал король Фернандо
Против мавров из Гранады,
Вместе с ним пришло походом
Много герцогов и графов.
Шел войною на неверных
Цвет испанского дворянства;
И врата своей столицы
Перед ним раскрыли мавры...

Не буду утверждать, что выучил наизусть «Повесть о Сегри и Абенсеррахах» Хинеса Переса де Ита, но кое-что мне помнится — ровно столько, чтоб ощутить себя не просто в Испании, а в Андалусии. Там, где стоит дворец Боабдила, последнего из мусульманских владык, где высится кордовская мечеть и где сталь кривых арабских сабель звенела о клинки кастильских рыцарей...

Весь в романтических мечтах, я допил пиво, натянул плавки, надел очки и отправился вниз, к бассейну — для акклиматизации и чтобы поглядеть на испанских сеньоров, сеньор и сеньорит.

Но таковых не обнаружилось. На лежаках и шезлонгах — в тени, под кустами, и у самой воды — валялся и загорал совсем иной народ: толстая

немка с двумя раскормленными отпрысками, десяток сухопарых англичан, еще какие-то европейцы неведомых мне языков, белесые и веснушчатые, три наших девицы — Элла, Стелла, Белла и присоседившийся к ним старичок-бодрячок с офицерской выправкой, которого они называли то Гошей, то Георгием Санычем, то господином полковником. Пожалуй, самым экзотическим среди загоравшей у бассейна компании являлся негр в тигровых плавках, черный, как хромовый сапог, с могучей мускулатурой, расплюснутым носом и толстыми губами. Глаза его были полузакрыты, челюсти ритмично двигались, зубы поблескивали, голова в мелких колечках черных волос покачивалась в ритме джаза, заставляя сотрясаться шезлонг; почва под ним была усеяна окурками и разноцветными обертками от жвачки. Очень колоритный тип, но все же на сенегальского принца он не тянул, а походил скорее на зулуса из тех воинов короля Чаки, что потрошили ассегаями британских пехотинцев у реки Вааль где-нибудь в конце XIX века.

Поглядев на все это безобразие, я направился к бару и попробовал разговорить бармена — на русском и английском. Бармен был явным испанцем, усатым, смуглым, горбоносым и единственным в радиусе сотни ярдов. Звали его Санчес, но больше вытянуть ничего не удалось —

то ли он не понимал английский, то ли не желал беседовать персонально со мной. Обслуживание, впрочем, было безукоризненным, и я, покончив с чашечкой кофе, заказал вторую, а потом припомнил, что еще не разжился местной валютой, а значит, платить мне нечем. Ну что ж, не беда! Ведь у меня имелась карточка «голд-сеньор» — золотой обрез, три золотые полосы и мое имя — крупными золотыми буквами и в золотом овале! Я вытащил ее из кармана, усы бармена дрогнули, брови почтительно приподнялись, и его английский моментально улучшился. Вероятно, теперь я считался VIP — *very important person*, а VIP — он и в Африке VIP, даже если прибыл из России.

Бармен скосил глаза на карточку, пошевелил губами, читая мое имя, вежливо скривился и спросил, чего желает дон Диего. Дон Диего хотел большой и толстый гамбургер, а к нему — бутылку белого вина, и чтоб похолоднее! Заказ был выполнен без промедлений. Сжевав огромный гамбургер (нижнюю челюсть пришлось оттягивать пальцами), дон Диего выпил вина, кивнул с одобрением и направился к лежаку — вместе с бутылкой и стаканом. Там он разделся, плюхнулся в бассейн, переплыл его три раза туда и обратно, вылез, снова испил вина, лег и замер в блаженном оцепенении. Над ним шелестели платаны, легкий зефир овеивал разгоряченную кожу, а слева —

оттуда, где устроился полковник с тремя девицами, — звенели стаканы и доносилась негромкая песня на родном языке. Пели что-то ностальгическое: «Мы отсюда не уйдем, мы порядок наведем, всяк буржуй узнает скоро, что такое День шахтера!» Видимо, компатриотам дона Диего тоже было хорошо.

Не думая ни о чем, я пролежал минут десять, пока к песням не стали примешиваться странные звуки. Плюх-плюх-уфф, плюх-плюх — уфф, плюх-ффу... Приоткрыв один глаз, я заметил, что зулус — тот самый, с расплющенным носом — плавает кругами и с каждым кругом все ближе подбирается ко мне. Собственно, даже не ко мне, а к лесенке, торчавшей над бортиком бассейна в двух метрах от моих ног. Слева и справа от нее были пустые лежаки, и зулус, казалось, выбирал местечко поютней, а может, хотел познакомиться, глотнуть винца и поболтать. Ведь я, в конечном счете, был для него таким же зулусом, диковинкой и невидалью, как и он для меня. Не швед, не грек, не мавр и не туземец с Андаманских островов — россиянин! Живой и настоящий... Будет о чем порассказать в Зулусии!

Он уже ухватился здоровенными ручищами за лесенку, уже приподнял из воды поджарый зад, уже раздвинул губы в ослепительной улыбке, когда кусты за моей спиной зашелестели, раздались и из

них явились Лев и Леонид. В красных плавках, если не ошибаюсь, Лев (он был с усиками), а в синих — Леонид (бритый, зато в очках). Кроме усиков и очков, у них была с собой сумка, в которой мог поместиться гвардейский миномет и еще осталось бы место для базуки. В полном молчании Лев занял место справа от меня, а Леонид — слева, бросив сумку на соседний лежак. Совершив этот маневр, они разом напряглись и поглядели на зулуса. Тот разочарованно вздохнул («ффу-фу...»), чмокнул толстыми губами («ча-ча-ча») и исчез за бортиком бассейна (плюх!).

Должен признаться, именно в этот момент я ощутил себя настоящим VIP — Очень Важной Персоной. Именно теперь, а не тогда, когда протягивал бармену Санчесу карточку «голд-сеньор» и слушал почтительное: чего желает дон Диего? В конце концов, что такое бутылка белого, кресло в бизнес-классе или номер с видом на вершины гор? Это все предметы утилитарные, неодушевленные, которые всякий гражданин — не VIP, а обычный скромный труженик — может получить за собственные деньги. Или как-нибудь иначе. Не мытьем, так катаньем, не катаньем, так мытьем... Но только к истинному VIP приставят двух здоровых молодцов, специалистов-отшивальщиков. Чтоб, значит, всякие зулусы ему не досаждали...

Еще немного, еще чуть-чуть, сказал я себе, и уровень сервиса не уступит президентскому. Стражи, помощники, тачка к подъезду плюс дипломатические завтраки с шампанским... Почему бы и нет? А после будут по телеканалам трубить о твоём желудке, печени и состоянии бронхов, скажут о тебе нечеловеческие слова: не то что, дескать, здоров и бодр Дмитрий Хорошев, а находится в рабочем состоянии. Как компьютер или станок...

Мне стало искренне жаль президента — ведь о нем такие пакости говорили каждый божий день. Я откупорил бутылку и предложил Леониду и Льву выпить за его здоровье. Они чиниться не стали, но в бутылке виднелось на доньшке, а за президента надобно пить стаканами. Поэтому мы направились в бар, я вынул свою карточку и отоварил президентский тост. Затем мы выпили за премьер-министра и всех его заместителей, за Билла Клинтона и Чака Норриса, за испанского короля и английскую королеву, и тут подгроб полковник Гоша с Эллой, Стеллой и Беллой. Изумительный нюх у наших людей! Особенно если где-то пьют! Особенно если пьют на халяву!

Гоша и в самом деле был отставной интендантский полковник и бывший парторг, но, хоть ударился в бизнес (цветные металлы и редкие сплавы), классового чутья не растерял и оставался

пламенным большевиком. Ему хотелось выпить за Зюганова, но тут моя карточка забастовала, и продолжалась забастовка до тех пор, пока Леонид — или Лев?.. (кажется, они поменялись усиками и очками) — не предложил поднять поочередно тост за лидеров всех парламентских фракций. Это было справедливым решением, и мы выпили за тех, кого смогли припомнить.

Я, в сущности, человек непьющий, но это не значит, что я не умею пить. Вовсе не значит. Наоборот, я вынослив, как дромадер, и обладаю хорошей резистентностью к спиртному — если уж приходится, пью много, не буйствую и не хмелею, и помню все, о чем болтали собутыльники. Очень полезное качество — если есть о чем послушать.

Но слушать, по большому счету, было нечего: Элла, Стелла и Белла хихикали, полковник пел боевые песни, а Лев с Леонидом всю флиртовали с девицами и травили анекдоты о «новых русских». Про службу же — ни гугу. Ни единого крохотного словечка.

Похоже, они были еще выносливей дромадеров.

Глава 7

Утром я собирался на пляж, но у подъезда уже стоял автобус, и Гриша (или Леша) объявил, что все

желающие могут прокатиться в горы. Там был какой-то зоопарк — вернее, увеселительное заведение с рыбо-орнитологическим уклоном. Этот загадочный намек меня сразил, и я поплелся к автобусу.

Там уже сидела вся наша питерская компания: пожилые и молодые супруги, три девицы с бравым полковником, специалистом по металлам, и, разумеется, мои сероглазые лейтенанты. А кроме того, еще одна личность, прилетевшая, видимо, с утренним рейсом — хмурый бровастый тип богатырского телосложения, и тоже сероглазый. В нем ощущалась основательность трехстворчатого шкафа, и его лицо — ничем ни примечательное, если не считать бровей — навевало определенные мысли. Например, о тертых бывалых парнях, сотрудиниках остроносого, маячивших на лестничной площадке за его спиной. Однако я бы не рискнул держать пари на этот счет.

Мы тронулись в дорогу и через полчаса достигли седловины меж двух гор, напоминавших грудь царицы Савской. Четыреста лет назад здесь выстроили монастырь, лежавший теперь в руинах и запустении: пара колонн, чудом сохранившаяся арка и груды битых кирпичей. Но монастырский парк с прудами был по-прежнему роскошен, и практичные испанцы (а может, англичане) наладили в нем современный бизнес. В

озера запустили рыб — красных и золотых, но размером с доброго сома; воздвигли ресторан в псевдомавританском стиле, с кухней а la marin; устроили фонтаны, цветники, лавчонки с сувенирами и прочие качели-карусели. Но главной приманкой служил птицепарк: бродили тут по дорожкам павлины, плавали гуси-лебеди, а остальная фауна сидела в клетках, ела, пила, размножалась, а в промежутках общалась с публикой.

Мы разбрелись по парку, и каждый делал, что хотел: пожилая чета кормила рыбок, молодая, вместе с отпрыском, отправилась смотреть орлов, девицы в восторге пищали у загородки бантамских курочек, а полковник Гоша, изрядно клюкнувший в автобусе, пытался выдрать у страуса хвост, то и дело выкрикивая: «Надраить кафель, шашки наголо! Гуляш по почкам, батарея — к бою!» Лично я прошелся по попугаям, но в Испании даже эти мерзкие птицы были до отвращения культурными и посетителей не оскорбляли. Бровастый тип тащился за мной, а в отдалении маячили два братца-лейтенанта — делали вид, что интересуются колибри.

Осмотрев попугаев, я перешел к туканам. К сведению тех, кто не читает словарей: тукан (не путать с птицей-носорогом) живет в Бразилии и Аргентине и делится (с точки зрения орнитологии)

на две основные части: клюв и все остальное. Туканы бывают пестрыми, оранжевогорлыми, златоухими (или пятнистоклювыми), а также временами исполинскими. Вот у такого исполинского я и замер, рассматривая его с почтительным и искренним восторгом.

Я глядел на это чудо, невольно воображая, как мой собственный нос растет и увеличивается в размерах, превращаясь в этакое полуметровое желто-сиреневое долото с основательной рукоятью-набалдашником. Таким долотом только камень крушить либо щелкать кокосовые орехи — размер как раз подходящий... Ну почему природа так обидела людей? Было б у нас подобное орудие, не пришлось бы изобретать ни клещи, ни кирку...

Тем временем мой химерический нос продолжал расти, и когда он уткнулся в туканий клюв, за спиной раздалось деликатное покашливание.

— Здоровая носопыра... Как думаешь, размножаться не мешает?

Я подмигнул тукану, тукан весело подмигнул мне. Кажется, проблем с размножением у него не имелось — не то что у сексуально озабоченного попугая Петруши. Потом я обернулся и увидел, что сзади стоит тот самый бровастый тип — с сигаретой в зубах, с фотоаппаратом на шее и зеленой сумкой через плечо. Сумка была

вместительной, хотя не такой огромной, как у Льва с Леонидом, зато усеянной блестящими заклепками; фотоаппарат был, разумеется, японский, из самых дорогих.

Тип взирал на меня с каким-то пристальным и нездоровым любопытством. «Может, голубой?» — мелькнула мысль.

Но хрупкие кондиции голубых обычно сопоставимы с этажерками, а этот, как сказано выше, напоминал шкаф: брюхогрудная дверца была массивной и выпуклой, и к ней прилагались плечеручные, диаметром с мое бедро. В целом конструкция была капитальной и крепко сколоченной — не хуже, чем у вчерашнего зулуса.

— Борис! — Бровастый шкаф протянул мне руку. — Можно Боря или Боб. А ты — тот самый парень, который поит земляков? Всех без разбора и задаром?

Что ж, это объясняло его интерес к моей персоне. Но на обычного халявщика он все-таки не походил: во-первых, абсолютно трезвый, а во-вторых, без всякой искательности во взоре.

Мы обменялись рукопожатием, и я представился. Затем, потеряв к тукану всякий интерес, мой новый знакомец начал расспрашивать про карточку «голд-сеньор». Я вынул ее из кармана и продемонстрировал с чувством законной гордости. В определенном смысле она являлась

таким же чудом, как амулеты моего покойного соседа.

Боря-Боб, ослепленный блеском золотых полосок, с восхищением причмокнул:

— Именная, каленый пятак тебе к пяткам! И где ты ее раздобыл?

— У голд-вакашников, — ответил я.

— А мне почему не дали? За кровные бабки?

— А потому, что ты — обычный гость, а я — почетный.

Шкаф Боря осмотрел меня с ног до головы и покачал головой:

— Не похож ты на почетного. Стрижка не та, перстней на пальцах нет, и рожа, как у профессора Менделеева. Тоже небось химик?

— Химик, — согласился я и помахал у него перед носом своей карточкой. — Видишь документ? Его ведь подделать недолго, если с умом... Но здесь, — мой палец коснулся золоченого края, — содержится особый реактив. Макнешь в спиртное, полоска пропадет, а вынешь — появится снова. Простенько и со вкусом... Никаких подделок или машинок, чтоб подлинность проверять. Усек?

— Усек, — Боря-Боб склонил массивную голову. — А вот чего я не усек: при чем здесь ты?

— При том, что химик. — Я сунул карточку в карман, золоченым обрезом наружу. — Реактив-то

мой! За него и отвалили. Шесть дней плюс перелет бизнес-классом... И все за хозяйский счет.

— Вот оно как... — протянул Борис, задумчиво поигрывая бицепсами. — Небось еще и бабок отвалили?

— Не без того.

Я подхватил его под руку и повлек мимо клеток с туканами. Играл он неплохо и в иной ситуации сошел бы за простачка, милейшего, в сущности, парня, любителя выпить и закусить — особенно если земляк угощает. В ином раскладе он мог оказаться бандитом, отстрельщиком из команды гамма либо приспешником мормоныша — опять же из тех, что мостят дорожки на тот свет. Но был один характерный признак, одна существенная деталь — два сероглазых брата-лейтенанта его не отшивали. Совсем наоборот: увидев, что мы с Борисом подружились, они направились к полковнику — затем, чтоб придержать страуса, никак не желавшего расставаться с хвостом. Вывод был ясен и тривиален: эта троица подавала в одни ворота. Видимо, в те, где ловил мячи остроносый вратарь.

По завершении экскурсии мы с Борей-Бобом были не разлей вода. За обедом в мавританском ресторанчике дружба наша расцвела и окрепла. Ресторанчик баловал гурманов сугубо морскими блюдами, и я, заметив, как посетителям тащат суп

из мидий и как скрипят на зубах устрицы, внутренне содрогнулся, призвал официанта, проконсультировался с ним и заказал «биг фиш» — иными словами, не просто рыбу, а очень большую, величиною с том «Истории КПСС». Боря, по незнанию языка не принимавший участия в переговорах, мой выбор одобрил: тарелка с рыбой напоминала колесо от «Жигулей», орнаментированное с краю жареной картошкой. Всю эту благодать мы запили бутылкой белого и отправились в автобус — во главе с полковником, тащившим пук страусиных перьев. Наступило время сиесты, когда природа замирает, в торговле перерыв, мухи не ползают по стенам, а испанские доны и доньи сладко дремлют в своих фазендах.

Мы возвратились в отель, и я последовал их примеру.

* * *

Акклиматизация протекала успешно; длительный сон меня освежил, и я был готов к новым подвигам и авантюрам. Мудрый обычай — устраивать сиесту, но еще мудрее кончать ее в положенный час. Вот в наших родных палестинах сиеста затянулась и плавно переходит в мертвый сон, который называется стагнацией. И кто в том виноват?.. Вероятно, особенности национального

климата...

Спустившись в ресторан, я отужинал (цыпленок под соусом кэрри, салат — похоже, из кактусов, бутылка минеральной) и направился в бар — только не в тот, что на открытом воздухе, а в тот, что имел место рядом с обеденным залом. Здесь хлопотал Санчес, и мы с ним на правах знакомых обменялись улыбками; у стойки паслись британцы, пили на шестерых бутылку «Джека Даниэлса», а в углу сидели те самые веснушчатые, которых я не сумел опознать — может, шведы или голландцы, а может, датчане с Фарерских островов. Эти пробавлялись пивом. Позорр-ники, как сказал бы Петруша.

Вспомнив про Петрушу, я, естественно, подумал о Дарье, заскучал и спросил у Санчеса чего-нибудь подкрепляющего. Чего-нибудь местного, но не слишком экзотичного, чтобы грусть развеяло, но до пяток не прожгло. Бармен выставил квадратную бутылку с желтоватой маслянистой жидкостью, налил стаканчик и пояснил, что русские сеньоры «это» любят. Прекрасное средство, чтоб разогнать грусть. А что касается последствий, то дон Диего пусть не беспокоится: у русских сеньоров расстояние от глотки до пяток намного больше, чем у нормальных людей.

«Это» оказалось текилой. Я глотнул, чуть не выронил стакан и еле отдышался. Видимо, я

нетипичный русский сеньор.

Санчес, догадавшись о моих затруднениях, тут же плеснул в стаканчик белого. Я принялся шарить рукой по стойке, булькая и на ощупь разыскивая стакан, но вдруг меня чувствительно хлопнули ниже лопаток. Глубоко вздохнув, я вытер слезы, повернулся и увидел перед собой черную губастую физиономию с расплюснутым носом и улыбкой до ушей. Разумеется, то был мой белозубый зулус. Оставалось лишь удивляться, как незаметно и быстро он очутился в баре и подобрался ко мне — не человек, а призрак, порхнувший на ароматы спиртного. Или тень. Тень Джеймса Бонда, скользящая в кремлевских коридорах в поисках секретов Политбюро...

При виде его мускулистой фигуры и мыслей о Джеймсе Бонде у меня невольно вырвалось:

— Агент?

— Агент, — подтвердил зулус на отличном английском, демонстрируя белоснежные зубы. — Страховой. Интересуетесь? На случай безвременной кончины? Чтоб скрасить горе безутешным родичам?

Он с усмешкой покосился на бутылку с текилой. Глаза у него были большими, круглыми и темными, как ночь в амазонской сельве.

— Я холостяк и круглый сирота. Точно такой же, как мой отец и дед, — буркнул я, оглядываясь в

поисках двух своих лейтенантов. Но их в обозримом пространстве не наблюдалось — то ли бдительность потеряли, то ли затеяли хитрую комбинацию с ловлей на живца. Томимый неясными предчувствиями, я нахмурился, нашарил стакан и отхлебнул порядочный глоток. Белое вино оказалось великолепным: в меру кислое, в меру терпкое и очень холодное.

Зулус тем временем не отставал: вытащил огромный, крокодиловой кожи бумажник, раскрыл его, нащупал визитку и сунул мне. На карточке — роскошной, розовой с серебром, с виньетками в уголках — значилось: Ричард Бартон, страховой агент «Фортуна Индепенденс», штат Алабама, адрес, телефон, e-мейл. Кивнув, я сунул это произведение искусства в задний карман джинсов, под сиденье.

Теперь он протягивал мне лапу — вилы с насаженными на острия коричневыми сосисками.

— Дик! Ричард Бартон — для клиентов, а для друзей — Дик! Дик из Таскалусы, Алабама.

«Когда это мы стали друзьями?» — мелькнула мысль. Руку, впрочем, пришлось пожать: негры — народ темпераментный и обидчивый. Особенно из Алабамы, где их угнетали проклятые белые плантаторы.

— Хорошев. Дмитрий Хорошев. Из Петербурга.